

ВЛАДИМИР ИСАЕВ

**МЕСТО ВСТРЕЧИ –
ВОРОШИЛОВСК**

ОЗБУ

ВЛАДИМИР ИСАЕВ

**МЕСТО ВСТРЕЧИ
- ВОРОШИЛОВСК**

Алчевск, 2001

**ББК 84(4Укр - 4Луг) 6-5
И 85**

Исаев В.С. Место встречи – Ворошиловск:
И 85 Повесть. - Алчевск: ДГМИ, 2001. - 126 с.

ISBN 966-7560-44-9

ISBN 966-7560-44-9

© В.С. Исаев, 2001

© ДГМИ, 2001

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Если человек сознает, что погибает, значит, он еще жив.)

Вот уже несколько часов, почуя добычу, неотступно следовала за Василием смерть.

“Не уйдешь, солдат, – шептала она. – Ты свое отходил по земле. Хватит!”

“Рано мне умирать, сопротивлялся Василий. – Я еще ничего не успел... Тебе лучше отстать от меня. Все равно я не сдамся”.

Но смерть отступать не хотела. Она продолжала свой беззвучный жестокий монолог:

“У тебя нет больше сил двигаться. Ты потерял много крови. Теперь ты принадлежишь мне. Мне-е-е! Умри, рядовой Прохоров, и ты обретешь покой”.

Что ей ответить, если силы действительно покидали его? В горле пересохло, язык будто распух и не помещался во рту. Оставшуюся во фляге воду он выпил давно, еще перед заходом солнца, и теперь его мучила жажда.

“Что ждет тебя потом, когда взойдет солнце? – спрашивала смерть. – Июль все-таки

теперь. Днем под жаркими лучами ты все равно умрешь. Зачем мучить себя?"

"Неправда!" – закричал Василий и открыл глаза.

Странно, но он не слышал собственного голоса. Перед самым его лицом появилась мышь. Обыкновенная мышь-полевка. Она приподняла крохотную головку и стала смотреть ему в глаза.

"Скажи ей, что я живой и буду жить", – попросил Василий, искренне обрадовавшись живому существу.

Мышь не шелохнулась.

"Скажи!"

Мышь отвернулась и стала искать что-то возле себя. Затем, пискнув, юркнула в траву. Тихо прошелестела высокая былинка.

"Что происходит? – соображал Василий. – Ведь я же кричал!"

Он недоуменно смотрел перед собой широко открытыми глазами и не мог ничего себе объяснить. Он слышал мышиный писк и шорох травы, но мышь его не слышала.

"Не хватает только, чтобы у меня пропал голос", – ужаснулся солдат.

Ему пришлось напрячься и стиснуть зубы пересохшего рта от еще добавившейся боли.

“Это, конечно, временное явление, – пытался успокоить он себя. – Если я выпью хоть глоток воды, все пройдет”.

Он медленно приподнял голову и напряг зрение. Впереди на фоне ночного неба вырисовывались силуэты домов. Они были совсем близко. Если он будет ползти с тем же упорством, с каким полз до этой минуты, то к рассвету доберется до крайней хаты.

“Шевели мозгами и двигайся, – приказал он себе. – Иначе косматая доконает”.

Посвежело. Он почувствовал это всем телом, и захотелось вдруг, чтобы небо заволокло тучами. Хотелось, чтобы они так низко повисли над ним, что он смог бы коснуться их мягких волокнистых закраин протянутой рукой. Жажда вызвала такое желание. Ему смертельно хотелось пить. Отдал бы остаток жизни за глоток воды. Любой. Пресной, соленой, холодной или теплой. Пусть из лужи, из болота. В одном глотке – спасение. Пустую флягу он выбросил. Оставил где-то и винтовку: от нее немели спина и левая рука. Эта рука и сейчас отказывалась подчиняться. Под правым плечом бродила тупая боль, левой ноги, казалось, совсем не было. Он почти не ощущал ее. Голова была налита свинцовой тяжестью, и

ее трудно было поднять. Когда он с мучительным усилием подтягивался на измученной левой руке, чтобы продвинуться вперед, голова упиралась в землю и не давала двигаться.

Но дома были совсем близко. Надо прислониться к ним до того, как рассветает. Ворошиловск, так назывался этот незнакомый городок, вероятно, уже занят немцами. В светлое время его могут увидеть чужие глаза. Да и жаркое июльское солнце сделает свое недобroе дело в данной ситуации.

И Василий, собрав последние силы, рванулся вперед. Рванулся и перестал ощущать под собой землю.

2

Когда он очнулся, ночь уже ломалась. Под прохладным заревым ветерком скрипел бурьян. Линяло, светлея, небо. Прямо над ним, в разводье небольшого облака плескалась луна. А дальше в бездонье неба мерцали звезды. Дома должны быть впереди. Чтобы их увидеть, ему надо было перевернуться на живот. Он попытался это сделать, но не хватило сил. Пытался двигаться на спине, но локоть все той же пока здоровой руки не находил опоры в

рыхлой земле, срывался.

Наконец, он понял, что лежит в яме. Хотел вспомнить, когда и как попал в нее, но не вспомнил.

“Это конец, – решил он. – В воронке я лежу. Из нее мне не выбраться. Что ж, косматая, выходит, ты была права. Зря стремился куда-то и терпел муки”.

Неожиданно он вздрогнул от мысли, что еще жив. Внутренний голос стал убеждать: стисни зубы, солдат, собери в комок нервы и борись. Ты должен выжить, должен помнить этот трудный и незабываемый для тебя день. Ты видел все. Видел, как приближалась к вам бронемашина со свастикой на борту. Слышал, как заработал ее пулемет, и в вас, отходящую к крайним домам населенного пункта горстку солдат, словно невидимый пчелиный рой, полетели пули. Ты видел, как твой друг Саша Готовцев пошел навстречу вражеской машине. Он шел, раскинув руки, будто заслонял собой товарищей. Зажатая в руке граната выдавала его намерение. Ты бросился за ним, но наткнулся на пулю. Успел увидеть взметнувшееся перед Готовцевым пламя, и он вместе с броневиком покрылся клубом дыма, смешанного с пылью. Тебя хлестко ударило по

ноге, должно быть, осколком, и твои глаза застлал туман...

По-прежнему мучила жажда. Рука нетерпеливо ощупывала землю, но в воронке не было воды.

А мир, между тем, как-то разом раздвинулся. Близился восход солнца. Звезды постепенно исчезали, как снежинки с гладкой поверхности, по которой прошелся ветер. Солнца из ямы не было видно. Можно было только наблюдать, как яркая палевая дрожь пробежала по макушкам чертополоха, как посветлела трава по обрезу ямы, как желтоватые густые полосы подкрасили край далекого облака.

Вязкая пронизывающая боль в правом плече не давала терять сознание, но он, глядя в небо, почти ничего не понимал. До него не сразу дошло, что на краю ямы стоял человек с лопатой и засыпал землей его ноги. Это был широкоплечий кряжистый старик, одетый в темный пиджак и такую же темную рубашку. Все его лицо, казалось, состояло из одной бороды и крохотных слезящихся глаз.

Старик выпрямился, протер кулаком глаза и торопливо перекрестился.

“Кого он отмаливает? – силился понять Василий. – Разве он не видит, что я живой?”

Старик набрал полную лопату земли и кинул ее на его живот. Разноцветные круги поплыли перед глазами солдата. Он начал кричать, но человек с лопатой, не слыша его, продолжал свою жестокую работу. Василий силялся поднять руку, чтобы скинуть навалившуюся на грудь тяжесть, но рука даже не шелохнулась. Тогда он, превозмогая себя, приподнял голову.

Старик недоуменно посмотрел на него и, бросив лопату, тяжело слез в яму. Склонившись над солдатом, он коснулся бородой его лица. От нее пахнуло табаком и еще чем-то кислым, домашним.

Василий задохнулся от этого запаха и потерял сознание.

3

Первое, что он увидел, придя в себя, были огромные девичьи глаза. Он смотрел в них и видел в их чуткой глубине трепетное волнение. Может быть, за него, воскресшего к жизни. Тихим девичьим счастьем светились эти глаза, безмолвно говоря о радости, которую доставил он ей своим пробуждением.

Слабая бесцветная улыбка скользнула по

губам Василия. И тут же большие глаза вспыхнули и как бы высветили для него ее лицо. Он увидел тонкую морщинку, почти невидимой дужкой пересекавшую переносицу, чуточку вздернутый нос, припухшие розовые губы и гладкий, словно выточенный подбородок. Чистое красивое лицо ее светилось и выражало чувство удовлетворения и гордости, какое испытывает человек, сделавший доброе дело.

— Кто вы? — тихо и осмысленно спросил он, даже не удивившись, что обрел голос.

— Все узнаешь в свое время, — ответила девушка. — А пока выпей шиповника. Это целебный напиток.

Она приподняла его голову и поднесла к губам граненый стакан с коричневой жидкостью.

Пил он медленно, с трудом глотая, и неотрывно глядел в большие зеленоватые глаза. Она не отвела взгляда, не отвернула лица. Только сердце забилось учащенней и всю ее наполнила светлая девичья жалость к раненому солдату — Василию Прохорову, имя которого она прочитала в его красноармейской книжке.

Василий, осушив стакан, прикрыл глаза. Еще не до конца пришедший в себя, он пы-

тался понять, что происходит вокруг. Этой ночью он перестал бредить и впервые за несколько суток уснул глубоким настоящим сном. Спал долго и даже видел сон. Приснилось, что это он, а не Саша Готовцев пошел на фашистский броневик. Он был настолько поражен такой несправедливостью, что тут же проснулся.

Скрипнула дверь, и в комнату вошел бородатый человек. Василий внимательно посмотрел на него и узнал старика, который начал было закапывать его, еще живого. Следом за ним вошел худенький старенький человечек. Девушка пошла ему навстречу.

— Вася пришел в себя, Николай Ефимович, — радостно сообщила она.

— Очухался! — встрепенулся бородатый и подошел к Василию. — Вот и ладно, вот и хорошо! А то ведь совсем было богу душу отдал. Теперь долго проживешь, ежели, не приведи господь, чего кроме не приключится.

Старенький человечек снял с головы явно великоватую кепку, передал ее девушке и, держа на весу маленький портфельчик, подошел к кровати Василия.

— Посмотрим, — сказал он и склонился над солдатом.

Он приподнимал веки его глаз, просил показать язык, нащупал на запястье пульс. Затем снял с обоих ран повязки, осмотрел их внимательно, легонько прощупал пальцами швы и удовлетворенно сказал, повернувшись к хозяину хаты:

— Мы на верном пути, Михаил Иванович. Раны промыли вовремя и хорошо их перевязали. Лекарства тоже помогли. И организм, судя по всему, у молодого человека крепок. Продолжим в том же духе. Применяйте и делайте все, как я сказал. Необходимое для этого у вас пока есть. А я денька через три приду.

Кинув на маленькую голову большую кепку, он засеменил к выходу, философски заметив на прощанье:

— Время — великий лекарь!

Михаил Иванович последовал за ним.

Девушка подошла к Василию, посмотрела в его запавшие глаза и снова пожалела парня. Нос его заострился, щеки осунулись и обросли щетиной. Ей вдруг захотелось прикоснуться к заросшей щеке, но она не посмела. Только сказала ласково:

— Теперь ты быстро поправишься. Побольше спи и ни о чем не думай. Будешь лекарства вовремя принимать, а я буду тебя перевязы-

вать. Николай Ефимович научил.

Вошел старик и тут же направился к ним.

— Я-то, старый, чуть было не похоронил тебя, — сказал он, обнажив ряд пожелтевших от табака зубов. — Но голову ты приподнял... Так мы с Надеждой в хату тебя доставили. Я, слышь, в тот же день привел Николая Ефимыча. До пенсии он в заводской медицине работал. Вот я и вспомнил о нем. Другие, должно быть, вакуировались.

— Эвакуировались, — поправила Надежда.

— Вот-вот. На восток, значит, подались. Как раз перед немцем, десятого июля, кажись, последний эшелон ушел. А Николаю Ефимычу куда? Стар стал. Годков на пять, должно быть, старее меня.

Старик умолк, обдумывая что-то, затем сказал, будто извинился:

— Что же я-то?.. Травки разные приносил, отвары сооружал. В остальном все Надежда...

— Дедушка, — урезонила внучка, — времени, что ли, не будет?

— Не бранись, внучка, не бранись, — совсем не сердито отозвался дед. — Книжку твою красноармейскую мы спрятали. Когда понадобится, заберешь. Одежду военную тоже прибрали. Ни к чему ее теперь надевать. Наши воз-

вратятся, тогда конечно... А пока в моих штатах и рубахе щеголять будешь.

Старик покосился на внучку и умолк.

— Еще наговоритесь, — строго сказала Надежда. — Васе нужен покой, дедуся.

— Оно конечно. Николай Ефимыч наказал, чтобы ты, Василий, больше спал. — Старик повернулся к Надежде: — Ему молока бы сейчас. От любой хвори лучшая помощь.

— Да, молока надо, — согласилась Надежда. — Схожу к тете Кате. У нее корову еще не отобрали. Поменяю на что-нибудь.

Потребовав от деда не заводить разговора, а от Василия — постараться уснуть, она вышла, прихватив видавший виды литровый бидончик. Старик пошел закрывать за ней дверь. Василий слышал их голоса.

— В облаву не угоди, — наставлял дед. — С оглядкой ходи и где безопасней. Да и вообще, отдохнула бы, с ног собьешься.

— Выходить его надо, дедушка.

— Конечно, надо. Но и силы, говорю, поберечь надобно. Тебе ведь выхаживать, потому как на меня надежа плохая.

— Поживем еще, Михаил Иванович, — задорно и дерзко ответила Надежда и тихо засмеялась.

— Примечаю я, однако... — начал было дед.

— Ничего вы не примечаете, дедуля, — перебила внучка. — Пошла я. Глядите тут. Если что — прячьте.

За дверью горницы стало тихо. Хозяева, должно быть, вышли во двор.

Василий оглядел комнату. Она была небольшой с низким потолком. Два окна в передней стене подслеповато смотрели на улицу, третье, боковое, глядело в огороды. Стены были побелены, пол устлан простенькими чистыми дорожками. В левом от двери углу стояла самодельная вешалка, рядом с ней за ширмой угадывался вход в другую комнату, должно быть, в спальню Надежды. Дальше вдоль стены вытянулся топчан — дедова постель. В центре комнаты прочно утвердился накрытый скатертью квадратный стол, вокруг которого были расставлены четыре одинаковые табуретки. В правом от входа углу прижался к стене старый резной буфет. В простенке между окнами занимал свое исконное место комод.

Таково было убранство горницы, не считая железной кровати у бокового окна, на которой лежал он, раненый солдат.

Осмотрев помещение, Василий подумал,

что никогда раньше ему не приходилось бывать в таком доме. В Сталинграде он жил в просторной квартире, в которой почему-то и комод был. Отец, Петр Васильевич, работал инженером на тракторном заводе, был уважаемым человеком. Мать, Елена Петровна, хлопотала по хозяйству и воспитывала его, Василия, названного по имени деда, известного в городе строителя. Выходило, что только комод был общим для двух жилищ. Для прошлого, городского, и теперешнего, считай, деревенского.

Вошел стариk и, помня наказ внучки, остановился поодаль, не смея подойти и заговорить.

— Отец, — позвал Василий, и дед тут же подошел к нему, по-доброму посмотрел в лицо прищуренными глазами. — Где я нахожусь?

Стариk взял табуретку, сел возле кровати и торопливо, будто боялся, что ему не дадут высказаться, заговорил:

— В моей хате находишься, сынок. Серегин я, Михайла. По отцу Иваныч. Супруга моя, Мария Андреевна, того... В прошлом году похоронил, царство ей небесное. Один остался. Да вот внучка со мной. Она что надумала-то. Чтобы меня не оставить здесь одного, не

эвакуировалась, со мной осталась. К тому же я приболел тогда, когда люди уезжали. Не пригоден я к путешествиям. А вот Надежда, соображаю я, зря осталась. Уехала бы лучше от греха подальше. В прошлом году приехала она на Марусины похороны из Саратова да так и осталась. Не захотела домой вертаться, хотя родители вызывали ее телеграммой. На заводе стала работать... А мать ее Лизавета, дочь, стало быть, моя, всецело находится под каблуком у мужа, то есть зятя моего, Олега Сафроныча. Энтот Олег Сафроныч очень высокого о себе мнения. На меня и Марусю свысока смотрел. Невеликим начальником на заводе работал. Проштрафился в чем-то и потихому в Саратов переметнулся. Лизавету с Надеждой с собой взял, не бросил. Вот такие дела, Василек. А город наш Ворошиловском зовется. Незнаком?

Василий отрицательно покачал головой, и они на некоторое время замолчали. Михаил Иванович – ожидая вопроса, Василий – обдумывая сказанное.

– Какова обстановка теперь, Михаил Иванович? – спросил, наконец, Василий.

Старик ответил не сразу. Минуту-другую он смотрел в окно, мял пятерней бороду. Ви-

димо, в памяти его восстанавливались события прошедших дней. Наверное, поэтому он, отвечая на вопрос, начал издалека:

— Выходит так, что напрасно люди столько противотанковых заграждений наделали, столько рвов и траншей накопали. Считай, километров шесть прорыли. И дзотов энтих понастроили, и баррикад... Директор завода, Гмыря Петр Арсентьевич, приказал, горком, стало быть, поддержал. Народ, как один, вышел на создание обороны. Мы тут недалеко перекрывали шоссейку на Серго, так теперь Кадиевка называется. С семи утра и до шести вечера лопат из рук не выпускали. Не помогло, как видишь. Пришел немец. Заводу большие разрушения причинил. Управу на всех нас свою установил. Всех мало-мальски способных работать на учет взял. Комендатуру, гестапо, биржу труда и тюрьму организовал. Думает, надолго осядет здесь. К зиме, как пить дать, наши возвратятся.

Михаил Иванович помолчал, задумавшись, потом тряхнул седой головой и продолжал тоном, будто сообщал что-то секретное:

— У нас тут в поселке возле станции спокойнее, чем там, в центре города. Там, говорят, облавы устраивают, всех подозрительных

хватают и в тюрьму сажают. Комендантский час действует. А он нам ник к чему. Мы и так из хаты почти не выходим. Правда, у нас тут полицейские да румыны шастают. Полицейские из наших, из тех, у кого кишка тонкой оказалась. Переметнулись они к немцам, предателями стали. Но нас бог пока миловал от их нашествия. По улице ходили, присматривались, но в хату не вошли. Немцы не шастают, как энти. Они строже и аккуратнее. Но чуть что, пощады не жди. Приходили они к нам. Мы тебя под топчаном спрятали. Топчан отодвинули, тебя положили и топчан же сверху поставили. Ловко внучка придумала. Не видать тебя и не слыхать. И Надежда из хаты ушла от греха подальше. А с меня какой спрос? Не тронули они меня. Записали что-то, погадели и ушли.

— Фронт где сейчас?

— Я соображаю, что он где-то недалеко. За Ворошиловградом, наверное. Так что жди возвращения наших и поправляйся. И не бойся, мы ухо востро держим. Если что — мигом упрячем. Когда немец на нашу улицу придет, то за версту слышно будет. Они тихо не ходят. Подбадривают себя криком-то, побаиваются, значит. Так что, поправляйся,

Василий. Это в данный момент важнейшая для тебя задача.

4

Хата деда Михаила стояла на краю неширокой зеленой улочки станционного поселка. Стояла, будто забытая всеми, хмуро надвинув на глаза-оконца шапку соломенной крыши, приземистая, потертая осенними дождями, простуженная зимними ветрами, и смотрела близоруко на дорогу, прямо из улицы убегающую в поле.

Рядом с хатой, соревнуясь с ней в ветхости, доживал свой век старый высокий тополь. Птицы не вили на нем гнезд, лишь ветры скрипели в его трещинах, бередили и без того больные раны. В ненастную погоду ветер с особенной силой раскачивал обветшалый ствол, невесть как державшийся на полусгнивших корнях, и тогда над хатой стоял долгий надрывный стон.

Дни вынужденного заточения проходили спокойно. Василий стал ходить. Хромая, он долго бродил по горнице, вспоминая прожитое в своей недолгой жизни. Потом, уставший, валился на кровать и отдыхал, набирался сил.

Он был глубоко признателен хозяевам за то, что кровать для него они поставили у окна. Проснувшись рано утром, он облокачивался на подоконник и подолгу смотрел на дорогу, убегающую в картофельное поле и дальше – в небо. Изо дня в день видел один-единственный кадр неподвижного фильма, но и этому был рад, потому что это был мир, в котором он все же остался жить.

Сегодня он затосковал. Причиной тому был сон. Приснилось, будто стоял он на берегу Волги и доказывал друзьям, что переплынет реку. А потом долго и тяжело плыл. Захлебывался, выбивался из сил, но плыл. Настойчиво и бесконечно.

Проснулся, испугавшись этой бесконечности. И как бы в продолжение сна начал угадывать такую же бесконечность в своей судьбе: никчемное прозябанье, бездеятельность, которым, наверное, не будет конца.

Чтобы прогнать невеселые думы, он досстал из-под подушки тетрадь, положил ее на колено здоровой ноги и начал, вернее продолжил, писать родителям письмо. Понимал, конечно, что отправить его не придется до поры, но было как-то легче от того, что хотя бы мысленно поговорит с родными.

Тетрадь дала ему Надежда, и он исписал уже добрую половину ее листов. Девушка не знала, кому и о чем он пишет, но всякий раз, когда заставала его за этим занятием, начинала волноваться. На ее лице появлялось выражение настороженной тревоги, большие зеленоватые глаза грустнели. Вначале он не замечал ее настроения, а заметив, стал писать только тогда, когда ее не было дома.

Сегодня он был в хате один. Хозяева ушли перекапывать брошенные огороды, чтобы собрать для себя хоть немного овощей.

День выдался пасмурный. Заскрипел старый тополь, и настроение окончательно испортилось. Он отложил тетрадь, намереваясь встать, но в это время громыхнула входная дверь. Кто-то неторопливо пошаркал ногами о половицу, затем дверь в горницу открылась, и в дверном проеме появился высокий парень с карабином в руке. Он вошел пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку, без стука и разрешения, неизвестно как открыв замок. Василий был уверен, что пришел кто-то из хозяев, поэтому появление незнакомца застало его врасплох.

На парне было коричневое осеннее пальто, перетянутое в талии широким армейским

ремнем, и новое темно-синее галифе без кантов. Ноги грели добротные хромовые сапоги. На ремне висел подсумок с патронами к оружию, а левый рукав стягивала повязка. Он был до жалости худ. Тонкое продолговатое лицо оттеняли темные жесткие волосы. Губы были настолько тонкие и бесцветные, что казалось их не было вовсе. Срезанный подбородок завершал вид общей непривлекательности его лица.

“Такие не нравятся девчатам”, – подумалось Василию.

– Один томишься? – низким голосом спросил незнакомец не поздоровавшись.

Он сел на табуретку, по-хозяйски положив локоть правой руки на стол и широко расставив худые ноги.

– Не ждал? – снова спросил он. – Правильно. Меня здесь пока еще никто не ждет. Но ты не бойся, не трону. Если я тебя трону, Надька в гестапо угодит. Приказ коменданта гласит: за сокрытие красноармейцев, хоть раненых, хоть здоровых, – расстрел. Понятно, чем рискуют твои хозяева? Меня такое не устраивает. Надьку жалко. Молодую да красивую и – к стенке! А все из-за тебя. Понятно? А замок открыл ключом, который знаю, где прячут. Чего молчишь?

Василий еще раз смерил худого оценивающим взглядом и заложил руки за голову. В его положении ничего не оставалось, как принять тон парня.

— Чего мне бояться? Лежачих не бьют.

Незваный пришелец недобро усмехнулся:

— Лежачие разные бывают. Иных не щадят... Красноармеец, говоришь?

— Я ничего не говорил, — возразил Василий.

“Пронюхал, скелет,” — подумал он.

— А мне и не надо, чтобы ты говорил, — пожал плечами худой. — Сам знаю. Ты лучше скажи, как жить думаешь?

— Пока вот так, как живу, а дальше — как придется.

— Ты вот что, — парень встал, едва не достав головой потолок, взял табуретку и подсел ближе к Василию, — простачка из себя не строй. С местной властью разговариваешь. Так что смотри. Если надумал выкинуть что-нибудь этакое, партизанское, то можешь вообще не выздороветь.

Что такое партизанское мог выкинуть Василий, он не сказал. Просто глядел на него, стараясь, видимо, понять, какое впечатление произведут на солдата его слова. Лицо Васи-

лия ничего не выражало, и незнакомец продолжал:

— Моя фамилия Карпиков. Я полицейский. Станция Алчевская и поселок под нашим присмотром. Следим за порядком, коммунистов и комсомольцев выявляем. Красноармейцев хоть раненых, хоть здоровых тоже... Ты, может, офицер или политрук?

Василий молчал. Он понял, что приход полицая круто изменит его теперешнюю жизнь. Он пока не представлял себе, какие это будут изменения, но уже сейчас, в присутствии Карпикова, начал думать о создавшемся положении, стал искать выход.

— В городе установлена крепкая власть, — говорил Карпиков. — Она порядок уважает. А ваши советские денечки того... минули.

— Вы уверены? — вырвалось у Василия.

— Смотри, какой смелый! — удивился полицай. — Я бы на твоем месте молчал в тряпочку. Не живи здесь Надюха, я бы тебя давно забрал. Понимай это и молись на нее, как на икону. А насчет уверенности, то ее хоть отбавляй, потому что немцы уже в Сталинграде.

В груди Василия похолодело. Он едва не крикнул: “Врешь, шкура продажная!” Но сдержался, сжал себя в комок, сомкнул губы.

Молчал и Карпиков, испытывающе глядя на него.

Усилием воли Василий не подал вида, что его взволновало сообщение полицая. Он не верил ему, потому и успокоился немного. Потом спросил, глядя Карпикову прямо в глаза:

— Почему не в армии?

Ожидал, что полицай взорвется и даже набросится на него, но Карпиков был спокоен. На губах его играла ехидная улыбочка.

— Не взяли. Непригоден я, здоровыи сла-бое. Вот и весь сказ. Надо — и бумаги найдутся. Только тебе это ни к чему. Ты в моей влас-ти: хочу помилую, хочу — в гестапо сдам.

— Затем и пришел?

Василий сорвался на “ты”, посчитав, что более вежливого к себе обращения этот па-рень не заслуживает.

— Пришел затем, чтобы посмотреть на тебя и разъяснить что к чему.

— Меня отведешь в гестапо, но и сам от суда не уйдешь.

— Смотри-ка, он мне угрожает, — скорее удивился, чем разозлился полицай. — Полегче на поворотах, солдатик! Могу ведь прямо сейчас арестовать.

Он вскинул карабин, подержал его на

весу, затем снова поставил оружие между ног и проговорил с сожалением:

— Повезло тебе, вояка. Не хочу я подводить Надюху. Только ради нее, если прямо сказать, я тебя не трогаю. Но до поры, учти.

Он неожиданно нагнулся к Василию и спросил хрипло:

— Не завелись ли, случаем, между вами шуры-муры?

Помолчав, ответил сам себе:

— Нет, в такую морду не влюбишься. Бледный, как смерть, глаза запали, щетиной оброс...

Он встал, задвинул под стол табуретку и примирительно бросил:

— Ладно, отходи. Надюхе можешь рассказать о нашей приятной беседе. Пусть знает. Прощевай, пока.

Было слышно, как гремел он замком, как хлопнула во дворе калитка.

Василий сел на кровати, обхватив голову руками.

“Что делать? – спрашивал он себя. – Пока ясно одно: надо уходить. Из-за меня у Нади с дедом будут большие неприятности. А уйду, и полицай никому не докажет, что я был здесь. Но куда идти? И смогу ли я, еще не окрепший?”

Он встал, подошел к комоду и заглянул в окно. Улочка, как всегда, была безлюдна и тиха. Окна хаты напротив были тщательно занавешены. За невысоким забором белели после сорванных корзинок верхушки стеблей подсолнухов.

“Неужели правда, что в Сталинграде фашисты? – стучало в висках. – Как же так? В моем родном городе немцы! Не верю! Этот долговязый мог, что угодно, наврать. На то он и предатель”.

Василий нервно, сильнее, чем прежде, хромая, начал ходить вокруг стола.

“К фронту пойду, к нашим, – размышлял он. – Пусть хромаю, пусть еще не окреп, но пойду. Здесь мне нельзя оставаться”.

Неожиданно звякнул замок на входной двери. Василий вздрогнул:

– Вернулся, подлюга!

Теперь он не испытывал ни тревоги, ни страха, спокойно прошел к кровати и сел.

В горницу вбежала Надежда. Увидев Василия живым и невредимым, она привалилась плечом к косяку, виновато улыбнулась и стала поправлять сбившийся на голове платок.

– Напугал до смерти, вражина, – произнесла она. – Передали, что к нам полицейс-

кий пошел, я и побежала... Что он хотел?

При появлении девушки Василий облегченно вздохнул. Напряжение как-то разом спало, и он ответил с показным равнодушием:

— Да так, зашел побеседовать.

— Представляю я вашу беседу, — Надежда оторвалась от двери, устало опустилась на табуретку, на которой только что сидел полицай, спросила: — Угрожал?

— Конечно. Только ради тебя не увел меня отсюда.

Щеки девушки покрылись румянцем, и она смущенно опустила голову.

— Сердцем чувствовала, что он придет, — с горечью произнесла она. — А как подумала, что у него винтовка, так все внутри будто обрвалось... Но, кажется, все обошлось.

— Нет, Надя, не обошлось, — возразил Василий. — Я теперь у этого тощего, как козырь в руках. За счет меня он хочет добиться какой-то своей корыстной цели. Когда добьется своего, меня тут же выдаст. А через меня и ты, и Михаил Иванович пострадаете.

Надежда стянула с головы платок и стала разглаживать его на коленях. Затем честно глянула на Василия:

— Он приставал ко мне на танцах. Домой

напрашивался проводить. Но я терпеть его не могла. Не учился он, не работал, хулиганил... До немцев, конечно.

Василий заметил волнение, с каким произносила она эти слова, и прекрасно понял ее. И все же неприятно обожгла не испытанная по сих пор ревность.

“Этого еще не хватало”, – нахмурился он.

Молчание затянулось. Василий тряхнул головой и произнес волнуясь:

– Он сказал, что в Сталинграде немцы.

– Врет! – вскочила Надежда. – Сама на станции слышала, что не взяли они Сталинграда. И наши ни за что не дадут его взять. Ведь это же город Сталина!

На душе у Василия полегчало. Он расправил плечи, улыбнулся Надежде и протянул ей руку.

– Я тоже так думаю, – сказал он. – В моем городе никогда не будет фашистов.

Руки их соприкоснулись, но они тут же оба покраснев, одернули их. И потом долго смущенно молчали, не смея поднять глаз.

Первой заговорила Надежда:

– Я сейчас.

Она вышла из комнаты, оставив его в недоумении, но быстро вернулась с букетом по-

левых цветов.

— Это тебе. Сейчас я их в банку поставлю.

На него будто пахнуло полевым ветром, запахло травами.

— Нравятся? — радовалась Надежда.

Склонившись над кроватью, она поставила банку с цветами на подоконник.

“Какая она стройная и гибкая, — с восхищением подумал Василий. — Какие нежные у нее руки!”

Ему захотелось дотронуться до ее плеча, но он не посмел. Подавляя желание, сказал почти шепотом:

— Уходить мне надо, Надя.

— Куда? — только и могла она произнести, опускаясь на табуретку.

— Не знаю, но уходить надо. Твой ухажер все равно выдаст меня и вас.

— Никакой он мне не ухажер, — обиделась Надежда. — Зачем ты так, Вася...

— Извини, я не хотел...

— Может быть, мне поговорить с ним, — несмело предложила девушка, но осеклась, поймав его строгий взгляд. — Прости, я и сама не знаю, что делать.

Скрипнула входная дверь, заставив их вздрогнуть. Они одновременно вскочили и

застыли.

Вошел Михаил Иванович и строго глянул на молодых людей.

— Дверь-то на крючке держать надобно, — сказал он и помолчал, ожидая оправданий, но молодежь молчала. — Онемели, что ли?

Первым пришел в себя Василий и ляпнул:

— Михаил Иванович, у вас бритва есть?

— Не то бороду снять надумал? — удивился старик. — Нынче сподручней небритому-то. Глядишь, да и примут за мужика пожилого.

— А я в молодого превращусь, — не очень весело сострил Василий.

— Смотри, я, как лучше, хочу, — пожал плечами Михаил Иванович.

— Сам-то я энтой бритвой давно не пользовался. Однако где-то она есть.

— Поесть приготовлю, — вздохнула Надежда и вышла.

Михаил Иванович подошел к комоду и вытянул до половины нижний ящик. Бритва была завернута в пеструю тряпицу. Там же в узелке оказался и помазок. Нашел дед и щербатое зеркальце.

— Сперва бы ножницами, — посоветовал старик.

Василий согласился. Взяв зеркало и загля-

нув в него, он поморщился, хмуро сдвинул брови: почти все бледное осунувшееся лицо покрыла жесткая неряшливая борода. Он действительно выглядел старше своих лет. И если бы сейчас его увидела мать, обмерла бы добрая тихая женщина. На висках едва заметной паутинкой серебрилась седина. Появились неглубокие морщинки на лбу и вдоль переносицы.

Михаил Иванович следил за ним и сочувственно покачивал головой. Из буфета он достал жестянную банку и пошел с ней за горячей водой.

Василий стриг бороду осторожно и неумело. Никогда не приходилось ему заниматься таким необычным делом. И вообще, настоящая борода у него до этого не вырастала. Поэтому и удивлялся, как изменила она его лицо. Наверное, прав был Михаил Иванович, советовавший оставить бороду. Она помогла бы ему в смысле конспирации. Но уж очень хотелось выглядеть перед Надеждой самим собой, пусть не красавцем, но молодым.

И он терпеливо щелкал ножницами.

Вошел Михаил Иванович и поставил на стол банку с водой. Рядом положил обмылок хозяйственного мыла. После этого молча за-

мел бороду Василия на кусок картонки и вышел.

Опыта бритья опасной бритвой у Василия тоже не было. Но брился он важно, неторопливо, стараясь не выказать даже себе свою неопытность и неловкость. В конце концов, ему удалось побриться без особых порезов и довольно чисто. Вошедшая Надежда, увидев его бритым, оторопела. Больно и сладко сделалось в груди. Потянуло подойти и обнять русую голову, да девичий стыд не велел.

Василий, почувствовав неловкость, вышел. А она стояла, застыла, с грустью и нежностью глядя ему вслед.

— Что это вы не такие какие-то сегодня? — поинтересовался вошедший Михаил Иванович.

— Уходить ему надо, дедушка, — плаксиво отозвалась Надежда.

— Что случилось-то? Сам не хочет у нас жить?

— Когда нас не было, Пашка Карпиков приходил.

— Тот долговязый, который...

— Он, дедушка, будь он неладен.

Михаил Иванович задумался, поскреб пятерней бороду, после чего сказал уверенно:

— Соображаю я, что надо увести Василя отсюда. Выдаст его энтот Карпик. Как пить дать, выдаст.

— Куда же его, больного? И как же мы?..

— Вижу, Надежда, все вижу. Только ты повременила бы с энтим делом, с чувствами-то.

— Как же повременить, дедушка? — тихо произнесла Надежда.

Она уже не могла сдержаться и зарыдала, уткнувшись в дедово плечо.

Старик растрогался.

— Ничего, внучка, ничего, — успокаивал он, — все уладится. Давай думать, где его спрятать.

Надежда притихла, только плечи продолжали вздрагивать.

— К тете Тоне, может быть, — неуверенно произнесла она.

— На Васильевку? — удивился дед, но, размыслив, согласился: — Верно, Надюша. Марусина подружка — надежный человек. На том, стало быть, и порешим.

Вошел Василий. Михаил Иванович шагнул ему навстречу и сообщил:

— Надумали мы на Васильевку тебя перевправить. Хороший человек там живет, Антонина Матвеевна. Муж ее на моих, можно ска-

зать, руках помер, царство ему небесное. Партийным он был, передовиком... Сегодня же схожу к ней и договорюсь.

Василий рассеянно кивнул.

5

К полуночи разболелась нога, и Василий проснулся.

В соломенной крыше что-то шуршало. Стекла окна у его кровати покрылись каплями, будто потом. Капли катились, как слезы, к подоконнику с наружной стороны. Василий осторожно, стараясь не шуметь, поднялся и вышел.

Неширокий двор, огороженный низким покосившимся заборчиком, был залит дождем. Его косые стрелы бомбардировали стену хаты и гулко шлепали по двум деревянным ступенькам крыльца. Пахло прибитой пылью.

“Вот и заимел бесплатный барометр на всю жизнь,” – подумал Василий о больной ноге.

Он спустился с крыльца и долго стоял среди дождевого хоровода. Дождинки хлестали подставленную ладонь, холдили кожу. Он сжал пальцы, словно поздоровался с ними.

“В такую погоду и надо уходить”, – подумалось ему.

Подмокший, вернулся он в хату. Снял рубашку, хотел было лечь, но услышал, как заскрипел топчан. Михаил Иванович не спал. Видно его старицкие кости тоже чуяли перемену погоды. Кряхтя, он слез со своей постели и, как был в трусах до колен, сел к столу, раскурил самокрутку.

— На станции немцев стало больше, — тихо сказал он. — Полицаи засуетились. Чую, не зря. Не станут поганцы просто так стараться. Ивановна, соседка напротив, сказывала, что читала указ коменданта, в котором сказано: будут расстреливать заложников за укрывательство партизан и красноармейцев, ежели люди не выдадут их им. Чуешь? Так энтот Карпик, чтобы выслужиться, запросто может указать.

— Хорошие денечки наступают, Михаил Иванович, — проговорил Василий, садясь рядом со старицом.

— Не волнуйся, солдат, не допустим мы, чтобы немчура проклятая тебя забрала.

— Сейчас я, как гнилая колодина, — будто не слыша собеседника, продолжал Василий. Лежу поперек своей же тропинки и не знаю, на какую дорогу она меня выведет. Это же самое последнее дело, если впереди ничего не видать. Идти к фронту — раны могут открыть-

ся, сгнию попусту. Тут, как вы понимаете, — не надежно. А душа горит. Перед собой совестно, перед вами стыдно, перед Надей. Разве для того вы меня спасали, чтобы я отлеживался здесь и ждал, когда придут наши?

— Ты веришь, что они воротятся?

— Конечно! — воскликнул Василий. — Если не верить, последним человеком надо быть.

— Соображаю я, — после недолгого молчания сказал Михаил Иванович, — ежели ты уверен, то и терзаться не стоит. Живи пока, как живешь; а воротятся наши — пристанешь к ним. Может, и часть свою сышь. Не дезертир же ты какой-нибудь, а по ранению остался. Так что живи и набирайся сил. Антонина примет тебя, как родного. Сын ее до войны в Сталино жил. Теперь воюет, наверное. Да и нам ты, сам видишь, не в тягость. Привыкли мы к тебе, навроде своего стал.

Старик помолчал. В сумраке ярко вспыхивала его цигарка, потрескивал крупный домашней резки табак. Огонек то вырывал, то терял его заросшее лицо:

— Жаль, что у нас теперь оставаться опасно.

— Далеко ли то место? — спросил Василий.

— Ежели прикинуть, что кружным путем пойдем, да нешибко будем идти, крадучись,

то за два-три часа доберемся, — замысловато ответил Михаил Иванович и, увидев, что Василий встал и начал одеваться, спросил удивленно, — Сейчас, что ли, идти хочешь?

— Да, Михаил Иванович, если не возражаете. Ведь в любое время могут нагрянуть. А утром обязательно придут. Я теперь все равно не усну. И дождь нам на руку. Такое мое мнение.

Старик только развел руками.

Было за полночь. Собирали солдата при свете огонька керосиновой лампы без стекла. Василий, одетый в дедовы штаны, рубашку и старую телогрейку, укладывал в холщовую самодельную сумку немудреную провизию: мешочек ржаных сухарей, полстакана соли, несколько соленых огурцов и луковиц, да десятка два картофелин. Вернее, Василий только держал края сумки, а укладывала продукты Надежда. Несколько раз руки их соприкасались, и он замечал, что пальцы ее подрагивали.

Михаил Иванович звякнул впотьмах бутылкой.

— За удачную дорогу, за твою счастливую дальнейшую судьбу, сынок, — сказал он сквозь набежавшую слезу и протянул Василию ста-

кан. — Давно в магазине покупал. Осталось вот немного, остальное на твои раны ушло.

Василий отпил два глотка и вернул стакан деду. Тот обескуражено посмотрел на него, пожал плечами и сунул посудину в Надеждину руки.

Девушка отпила глоток, закашлялась. Потом долго с грустью смотрела в плохо различимое в полутьме лицо Василия и вдруг вся разом встряхнулась и с какой-то бесшабашной удалью опрокинула в рот всю оставшуюся в стакане водку.

Михаил Иванович повздыхал, покачивая головой, выпил свою долю и сказал, первым садясь на табуретку:

— Присядем на дорогу.

Было тоскливо, как при покойнике. Василий чувствовал себя должником. Он понимал, что просто слов благодарности было мало. Нужно было что-то гораздо большее, чтобы по-настоящему отблагодарить хозяев за их доброту и ласку, за бескорыстную душевную заботу о нем, за то, что вернули его к жизни. Он с чувством глубокой признательности до конца своих дней будет помнить их и благодарить.

— Счастья тебе, Вася, и полного выздоровления, — сказала Надежда. — Не обижайся на

нас. Помяни добрым словом...

Василия обожгли ее слова. Он с особенной остротой осознал вдруг, как близка стала ему эта по воле судьбы встретившаяся девушка. С некоторых пор он стал испытывать тревогу и волнение, когда видел ее. А теперь вдруг окончательно понял, почему она так волновала его. Понял, что не сможет ее забыть и будет страдать от того, что не будет ее рядом.

Надежда держалась, как приговоренная: твердо и молча. Не дрогнула она и тогда, когда вышла проводить его.

Они шли огородом по разбухшей от дождя тропинке, он – за стариком, она за – Василием. Монотонно шумел дождь и не скрипел на мокший тополь.

В конце огорода они остановились. Она подала ему свои руки. Он крепко стиснул их, холодные от дождя и доверчивые. Он должен был сказать ей о том волнении, какое испытывал, находясь рядом с ней. И, может быть, еще о чем-то большем, но словно буравом сверлил вопрос: надо ли это сейчас? Хотел позвать ее с собой, но сам не знал, куда идет и что будет с ним завтра.

Так и стояли они, молча глядя друг другу в лицо. В двух шагах от них горбился под дож-

дем терпеливый дед.

Дождь усилился. Он висел между ними туманной занавесью, и их лица расплывались в мутной завесе, будто отодвигались в дождевую даль. Словно из другого мира услышал Василий ее сдавленный шепот:

— Я буду навещать тебя. Я знаю, где живет тетя Тоня.

Он радостно закивал головой, почувствовав облегчение от того, что ему не нужно было ничего говорить. Она сказала и за себя, и за него. Лицо ее приблизилось, огромные глаза о чем-то просили, умоляли.

— Я буду ждать, — выдохнул он и, наклонившись, быстро коснулся губами ее щеки.

Она закрыла глаза, ожидая еще чего-то, но он уже шел, не оборачиваясь, за стариком.

Она осталась одна на краю огорода. Прижав к груди мокрые руки, долго смотрела туда, где в дождевой кисее затихали хлюпающие шаги, куда уходил неожиданно ворвавшийся в ее жизнь Василий Прохоров.

6

Сегодня Надежда пришла домой раньше деда. Уставшими пальцами отперла замок,

вошла в хату и, не разувшись, упала на кровать Василия. Зарылась лицом в подушку, — дала волю тоске и горю. Понимала, что он должен был уйти, но не думала, что будет так тяжело и больно расставаться. Утешало только, что он оставил ей право надеяться. Он сказал, что будет ждать, и она против своей воли стала искать повод сходить на Васильевку. Но повода пока не находилось, и она ждала, мучаясь, горя желанием увидеть его.

Мечты, желания... На самом деле она понимала, что все это в любую минуту может кончиться.

И она плакала, жалуясь самой себе да безмолвным стенам, которые, может быть, осуждали ее за глупые слезы. Пусть осуждают. Разве она виновата, что полюбила? Вы лучше скажите, молчаливые стены, как быть, что делать?

Она настолько отключилась от внешнего мира, что не слышала, как за дверью что-то стукнуло, как она открылась и вошел Карпиков.

— Кого оплакиваем? — криво усмехнувшись, спросил полицай.

От неожиданности Надежда не могла произнести ни слова. Голос Карпикова будто па-

рализовал ее. А полицай стоял в дверях в развязной позе и наслаждался ее замешательством.

— Куда делся твой красноармеец? — спросил он.

Надежда села на кровати, утерла платком слезы и немного успокоилась.

— Зачем он нам нужен? — тихо, с запинкой произнесла она. — Прогнали мы его.

— Так я тебе и поверил, — серьезно сказал Карпиков и упрекнул себя: — А мне надо было сообразить, что мой приход насторожит вас и вы его спрячете.

— Никуда мы его не прятали. Ушел он — и все.

Карпиков подошел к столу, приставил к нему карабин и сел.

— Куда же он ушел, если не секрет?

— Не знаем мы...

— В комендатуре скажете, — заверил полицай и неожиданно пересел на кровать к Надежде. — Пойми, Надя, — заговорил доверительно, — дело непростое. За то, что вы скрываете красноармейца, вам, тебе и деду, грозит расстрел. Читала приказ коменданта?

— Не читала и читать не хочу. Он нас не касается, потому что красноармейца у нас

нет. Иши, если хочешь. Ушел он, на фронт подался.

— Поймают, — пообещал Карпиков. — Но меня на мякине не проведешь. Солдатик еще ходить, как следует не может, а туда же, на фронт. Спрятали вы его, вот и весь сказ. Если я заявлю, что он был у вас, мне поверят. Да, я знал, что вы его прячете, но до сих пор не заявил об этом. Почему? Ради тебя и деда твоего. Ведь если бы я отвел солдатика в гестапо, тебя с дедом к стенке поставили бы. Ты должна это понять, должна быть благодарна...

— Я должна тебя отблагодарить? — вскинулась Надежда. — И чем же?

Подбежав к комоду, она выдвинула все ящики:

— Вот все, что есть. Бери!

— Зачем ты так, Надюха. Я же не грабитель какой. Ты только скажи, и я все для тебя сделаю. В такое время, сама понимаешь, со мной надежнее... — Он помолчал, прокашлялся, затем смело предложил: — Хочешь, сватов пришлю?

— Каких таких сватов? — опешила Надежда.

— Обыкновенных. Чтоб все по-хорошему было. Батя мой возражать не станет. Как я скажу, так и будет.

— Ты шутишь, Паша? Я не собираюсь выходить замуж, — девушка не могла унять нахлынувшего негодования и выпалила: — Тем более за тебя!

Лицо Павла стало строгим. Прищуренными злыми глазами глянул он на притихшую Надежду и подошел к ней вплотную.

— А в Германию прогуляться не желаешь? — спросил он с издевкой.

Надежда оцепенела. Она слышала, что немцы готовят такую отправку. А недели две назад вызывали на биржу труда, записали ее данные, но для чего, не объяснили.

Карпиков достал из кармана сложенный вдвое листок бумаги, развернул его и сунул ей в лицо.

— Прочти, — зло сказал он. — Тебе надлежит явиться на биржу и зарегистрироваться для отправки в Германию.

Надежда прочитала отпечатанное на пишущей машинке слово “Повестка”, и глаза ее застлал туман. Она начала медленно опускаться на пол. Встревоженный Карпиков подхватил ее и отнес на кровать. Тряс ее за плечи, шлепал ладонью по щеке, и она, наконец, очнулась.

Увидев перед собой тонкий горбатый нос, она вскинулась, но полицай удержал ее.

— Лежи, — мрачно сказал он. Мне поручили, я и обязан вручить. Дело, как видишь, серьезное и неприятное. Отправка неизбежна. Немцы никаких поблажек не дадут. Ты лежи, успокойся. Выход, я знаю, есть.

Девушка против своей воли с надеждой посмотрела на него:

— Какой выход?

Павел наигранно засмущался, опустил глаза и медленно, тягуче произнес:

— Походатайствовать могу за тебя.

Поймав ее недоверчивый взгляд, он перешел на серьезный тон:

— Врачом на бирже работает наша хорошо знакомая. Дашкова Мария Александровна. Она напишет, что по состоянию здоровья ты не можешь быть отправлена... Хочешь скажу, что ты моя невеста?

— Нет! — Надежда резко выпрямилась и толкнула полицая в грудь. Карпиков не удержался, опрокинулся на пол. Он тут же вскочил и схватил карабин.

— Какая-нибудь другая причина, по которой освободили бы от Германии, у тебя есть? — спросил он, тяжело дыша. — Если больная, предъяви справку.

Надежда сидела напряженная, но смотре-

ла на Карпикова спокойно.

“Не надо волноваться, – внушала она себе. – Пусть ходатайствует”.

И она сказала мягко, вроде пристыжено:

– Извини, Паша, я не хотела. Все так неожиданно. Разве можно просто так взять и увезти человека без его согласия? Я не хочу уезжать!

Павел шумно выдохнул, будто паровоз выпустил пар.

– Другое дело, – сказал он. – Давай поговорим спокойно. Я не желаю тебе плохого, поверь.

Если бы он знал, как не хотелось ей говорить с ним сейчас. Она догадывалась о чем пойдет разговор, и боялась его. Обдумывала, как мягче и безобиднее для него отказаться от беседы, но медлила, нужных слов не находила и окончательно растерялась. И только когда услышала за дверью шаркающие шаги, облегченно вздохнула.

Вошел Михаил Иванович.

– А ты чего здесь? – уставившись на полицая, недоуменно спросил он.

Карпикову не понравился тон старика. Он грозно шагнул к нему, но Надежда встала между ними.

— Он пришел поговорить со мной, — будто извиняясь, сказала она. — Не ругайся, пожалуйста, дедушка.

— Знаю я его разговоры, — не уступал Михаил Иванович. — Бойца советского, небось, ищет. Чтобы, значит, перед немцем выслужиться. Ищи-свищи. Нет его у нас.

— Не надо, дедушка, прошу тебя.

— А я ничего, внучка. Пусть идет себе восвояси.

Карпиков отступил, по-хозяйски задвинул табуретку под стол и гордо выпрямился во весь свой немалый рост.

— Ты, дед, не очень-то насчет того, что я выслуживаюсь. Я сознательно служу новой власти. Потому что при ней я свободный человек. А при Советах был подневольный.

— Вы, Карпики, и при советской власти очень уж свободными были, — проворчал старик и сел на топчан. — Ты куролесил по городу, трутнем жил, отец твой всю жизнь в торговле...

— А вы хотели, чтобы я на дядю пахал, — огрызнулся Карпиков. — Но это к делу не относится. Я думаю, что солдата вы куда-то увели. И если вас хорошенько поспрашивать, то обязательно укажете, куда.

Михаил Иванович сделал попытку встать и сказать резкое словечко, но Надежда опередила старика, обняла за плечи и усадила на место.

— Молчи, дедушка, пожалуйста, молчи. Павел действительно не сделал ничего плохого. Если бы он захотел, то давно бы...

— Во-во! — удовлетворенно покивал головой Карпиков. — Уже бы в гестапо были.

Михаил Иванович недоверчиво смотрел на внучку и никак не мог сообразить, что с ней происходит. А полицай заторопился, вскинул карабин за плечо и направился к двери.

— Пора мне. Служба, — и обратился к Надежде. — Сегодня же зайду к Марии Александровне домой и поговорю. А ты подумай.

Он вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Надежда выбежала за ним, проследила, как он вышел со двора и не спеша, походкой хозяина, пошел по самой середине улицы, явно предлагая себя на всеобщее обозрение.

Губы девушки тронула ироническая усмешка, но она тут же погасила ее и вернулась в хату. Кинулась к деду и с отчаянием в голосе сообщила:

— У него повестка для меня, дедушка. В

Германию хотят отправить!

Михаил Иванович громко крякнул и засеменил по горнице вокруг стола, как делал всякий раз, когда был сердит.

— Вот что надумали, ироды! В рабство, стало быть, советских людей отправляют. Это надо выдумать: людей не в плен, а — в рабство! Батрачьте, молодые и здоровые!

— Что же делать, дедушка?

Михаил Иванович круто повернулся к ней:

— Тебе надо укрыться и переждать отправку.

— Нельзя, дедуля. Они искать меня станут, тебя допрашивать будут.

— А что с меня взять? Пытать станут — слезу пущу: дескать, умыкалась внучка, бросила деда.

— Не могу я тебя одного оставить, — категорично заявила Надежда.

— А в Германию уехать — не оставить?

Довод старика был настолько убедительным, что она не нашлась, что ответить. После долгого молчания спросила смиренно:

— Где же я спрячусь?

— А все у той же Антонины, — ответил Михаил Иванович и слегка улыбнулся, заметив, как встрепенулась Надежда.

— Тетя Тоня может не согласиться. Ведь Вася уже у нее.

— Не откажет, не такой она человек. Будь спокойна.

Надежда не стала разубеждать старика и в то же время через силу старалась не показать, что обрадовалась возможности увидеть Василия.

Михаил Иванович невольно улыбнулся в бороду.

— Молодость, — философски произнес он и, подумав, сделал вывод: — А ко времени ли все это сейчас?

— Снова вы за свое, дедушка, — смутилась Надежда.

— Ложись спать, девушка. До света тебе надо уйти.

Ранним осенним утром к одной из хат на Верхней улице поселка Васильевка огорода-ми пробиралась Надежда.

Поселок был необычно тих и насторожен. Три его улицы, тянувшиеся от ворошиловс-кого городского сада Томского по склону балки к Оловым прудам, казались вымерши-

ми. Надежда была склонна поверить в это, как вдруг в утренней тишине раздался тягучий скрип открываемой двери. От неожиданности девушка присела, прислушалась. В холодном воздухе вновь висела тишина. Но звук сделал свое дело. Он возвестил, что люди в поселке живы и вымирать не собираются. Просто они притаились до поры. Чутько прислушивались, не прозвучит ли на их улице резкая немецкая речь или торопливый итальянский говорок, и готовы были прятаться сами и прятать все, что могло достаться оккупантам. Уже два месяца жили они так: тихо и насторожено.

Успокоившись, Надежда снова двинулась к намеченной хате и вскоре оказалась у ее тыльного окна.

Прежде чем постучать, она выдержала долгую паузу, чуто вслушиваясь в тишину. Минуты две спустя постучала.

Некоторое время за окном было тихо. Но вот скрипнуло что-то, затем послышался звук, будто открывали дверцу шкафа или буфета. После этого в окне неожиданно показалось круглое женское лицо.

— Это я, тетя Тоня, — едва ли не шепотом сказала Надежда, но поняв, что ее не слышат,

произнесла громче: — Надя я. От деда Серегина, Михаила Ивановича.

— Слава богу — не чужие, — успокоилась женщина, узнав Надежду. Она закивала головой и указала в сторону двери: — Заходи, Надюша, сейчас открою.

В небольшой комнатке с печкой-голландкой в левом углу было тепло. Войдя, Надежда огляделась.

— А Вася где? — почему-то шепотом спросила она.

— Подожди немного, явится. Прятаться приходится, Наденька. У нас порядок такой: опасность — сигай в окно, в огород. Минует опасность — окно открываю, сигнализирую, что можно возвращаться. В этот раз я не очень переживала. Враги в окно не стучат, они в дверь ломятся. Но чем черт не шутит. Ты вот сейчас в это окошко постучала, через которое по нашему плану должен был уйти Василий. Но у окна — ты. Мы и такое предусмотрели. Я его в боковое, прямо соседке в огород выпроводила. Приходится всякое выдумывать. Итальянцы на нашей улице поселились. Грабят, паршивцы. Ждем визита в любую минуту. Однако хатенка моя бедная, неказистая. Потому, видать, и визитеров до сих пор

не было. Но на страже мы постоянно. Так вот и живем. А тебя, слушаем, никто не видел?

— Не заметила я. За Жиловкой шла, мимо Татарского порядка прошла, каменный карьер обогнула...

— Правильно шла. Только возле каменного карьера ходить опасно. Там немцы людей расстреливают, — Антонина Матвеевна подошла к окну и распахнула неплотно прикрытые створки. — Сейчас явится наш Василек.

Сразу же почувствовалась прохлада, хлынувшая в открытое окно.

— Располагайся, — гостеприимно пригласила хозяйка. — Что-то случилось, или Василия проводать пришла?

— Беда у нас, тетя Тоня. В Германию хотят меня отправить.

— Хорошенькое дело, растуды их...

— Дедушка к вам направил. Переждать, если вы возражать не станете.

— Отчего же я возражать стану? Переждем, если надо.

Надежда спохватилась, протянула принесенный с собой узелок:

— Харчи кое-какие тут...

— Харчи — это хорошо. Пекарню-то наши, уходя, подожгли, так я, вместе с другим лю-

дом, муки да зерна натаскала. Не пропадать же добру. Немцы пришли, тут же всех разогнали и часовых поставили. А я еще по огородам кое-что насобирала. Проживем как-нибудь.

Антонина Матвеевна заглянула в окно и улыбнулась:

— Вон и Василек наш мчится.

Надежда вздрогнула, сердце затрепетало, и стало почему-то очень стыдно. Щеки загорелись, ноги перестали подчиняться, и она медленно опустилась на скамейку возле печки.

Василий влез в окно головой вперед, уперся руками в пол и подтянул под себя ноги. Увидев Надежду, он не встал, не кинулся к ней. Его будто приклеило к полу. Он только откинулся к стене, ударившись затылком о подоконник.

И она не бросилась к нему, а застыла на скамье, брезвально опустив руки.

Из оцепенения их вывел голос Антонины Матвеевны:

— Поворкуйте тут, голубки, а я пойду к Петровне и растоплю ей печь. Учтите, на замок закрою. Через окно, если что, выходите.

Одев старенькую телогрейку, хозяйка вышла.

Василий медленно встал, протянул руки и произнес, словно выдохнул:

— Надя!

И она не выдержала, шагнула ему навстречу, обняла и так крепко и страстно прижалась, что он стал задыхаться. Задыхаться от нахлынувшего счастья, от сознания, что мечта его о такой вот встрече сбылась. Он обнял ее, заглянул в большие глаза и стал целовать их.

Она не сопротивлялась. Она была в его власти. Она была счастлива.

Потом они завтракали и говорили. Говорили не умолкая, словно боялись, что не хватит времени на это. В них было столько радости, убежденности в своем счастье, что они на время забыли о том, что творилось вокруг.

Первым вернулся к действительности Василий.

— Надо уходить на восток, к фронту, — убежденно сказал он.

— Не могу я, Васенька, деда оставить.

— Михаила Ивановича возьмем с собой.

— Что ты! Разве он выдержит? Зима ведь на носу.

— Подумай, Надя. От Германии ты не спасешься. Здесь, в Ворошиловске, тебя найдут. Старика на допросе заставят сказать, где ты.

Разве он выдержит пытки? Надо забирать его и уходить. Можем в пути в какой-нибудь деревеньке оставить. Присмотрят за ним люди. Зато там немцы искать его не будут. А здесь нам не усидеть. Полицаи по хатам шарят, немцы, надо думать, проверки да облавы устраивать будут. Или кто-то увидит нас и выдаст. Антонина Матвеевна из-за нас пострадает.

Разумом Надежда соглашалась с ним, но на сердце было неспокойно. Она очень переживала за деда. Как он там? Что с ним? Ведь Карпиков обязательно придет в их хату. Увидит, что ее нет и...

Надежда вздрогнула.

— Что с тобой? — забеспокоился Василий.

— Пыталась представить, как поведет себя Павел, узнав о моем исчезновении. Вася, может быть, он в самом деле добился, чтобы меня не отправили?

— Едва ли. Кто его будет слушать? Морочит голову, чтобы добиться твоего расположения. Словом, знаю я, чего он хочет. Забудь о нем. Понятно?

— Понятно. Но за дедушку боюсь.

— Мне почему-то кажется, что Михаил Иванович сам придет сюда. А тебе, я убежден, дома появляться нельзя. В крайнем слу-

чае Антонину Матвеевну попросим сходить.

Надежда кивнула, и они помолчали. Она смотрела на Василия влюбленными глазами и думала: “Почему судьба свела нас в такое ужасное время? Оно разлучит нас, милый! Уведет по разным дорогам, которые неизвестно сойдутся ли когда-нибудь”.

Это так встревожило ее, что она едва не вскрикнула.

“Нет-нет, Васенька, не бывать такому, — утешала она себя. — Мы вместе уйдем, вместе...”.

Лицо Василия было строгим. В эту минуту он казался ей мужчиной, готовым оберегать и защищать ее от неприятностей и невзгод.

8

Шуршала под ногами опавшая листва. Кружилась она и над головой. Иной лист опускался на плечо, и тогда Карпиков сердито смахивал его рукой и матерился. Не до тебя, мол, желтый, не мешай думать.

Вообще-то много думать Павел не любил. Любой вопрос он решал быстро и безответственно, ничуть не заботясь о правильности принятого решения. Его интересовала только

то, к чему стремился. К намеченной цели шел напролом, почти ни перед чем не останавливался, и нередко достигал своей цели. Последним его желанием была Надежда. Встретил он ее в прошлом году в заводском Дворце культуры и сразу же решил, что она будет только его и ничьей больше. Но девушка оказалась гордой и смелой. Быстрого штурма у Павла не получилось. Не помогли ни лживые учтивость и любезность, ни хамство и наглость. Но она все больше волновала его. Волновала по-настоящему, как может волновать девушка парня. Он даже стал стесняться ее. Но привыкший к тому, что многое доставалось ему легко, он решил любыми средствами добиться ее расположения. И терпел неудачу за неудачей.

Но вот пришли немцы. Дали ему, хоть какую ни на есть, власть над людьми. Теперь-то он сумеет завоевать ее.

“Надо действовать решительно, пока не увезли ее в Германию, – посоветовал он себе. – Жаль, конечно, что Мария Александровна не может помочь. Но ничего не поделаешь. Я сделал все, что мог”.

Он стал рассуждать про себя:

“Должна же она понять, что с прошлым по-

кончено. Не будет у нее больше той “светлой и счастливой” жизни, какую обещали Советы. Сейчас ей нужна надежная опора. В такое время надо, чтобы ее кто-то защищал. Этим “кто-то” должен быть я. И она за это...”.

Павел даже замедлил шаг, когда представил, как будет Надежда благодарить его. Воображение было настолько нереальным, что он перестал об этом думать и вернулся к действительности.

“С прошлым покончено, – для уверенности еще раз заверил он себя. – Бегут товарищи за Волгу. И возврата им не будет. Я так ей и скажу. Скажу, что только я могу спасти ее от Германии. Так укрою в своем доме, что никто и знать не будет”.

Он попытался представить, какое впечатление произведет на нее его предложение укрыться у него дома. Она, конечно, обрадуется, захлопает в ладоши и, может быть, обнимет его. А дед, надо думать, прослезится.

От нахлынувших мечтаний Павел взбодрился и зашагал быстрее.

Шуршала под ногами листва. Неширокая уютная улочка будто вымерла. Ни шагов, ни голосов, ни звука. Полицай вдруг остановился и начал озираться. От тишины и безлюдно-

сти вокруг ему стало не по себе. Он взглядался в хмурые окна хат, и в его душу закрашивался страх.

Он сделал несколько медленных шагов и остановился.

— Не размазня же я какая-нибудь, — приободрил он себя вслух. — Я здесь хозяин, представитель новой власти.

В самом деле, в настоящий момент он действительно выполнял свои обязанности. В нагрудном кармане пиджака лежала повестка для Надежды, которую он обязан был вручить.

“И вручу, если не согласится спрятаться у меня дома. Повестка не поможет — о красноармейце доложу”.

Сделав для себя столь успокаивающий вывод, он воспрянул духом. К хате Серегиных подошел бодрым уверенным шагом. У калитки остановился, присмотрелся к улице.

Вечерело. Хаты без света в окнах, улица без скрипа калиток и дверей казались необитаемыми. Это было время, когда люди стремились затаиться, порой не откликаясь даже на знакомый голос соседа. Кажущаяся заброшенность жилья, какая-то слишком уж искусственная, нежилая тишина не понравились

Карпикову. Он зябко передернул плечами и вошел во двор.

В дверь не стал ломиться шумно и требовательно, как обычно ломился в чужое жилье, а остановился у окна и постучал указательным пальцем по стеклу. Прислушался: в хате было тихо. Это его удивило, и он постучал настойчивее. В ответ — молчание. Но он уловил какое-то движение внутри. На стекла легла узкая тень.

— Откройте, — потребовал полицай. — Это я, Карпиков.

— Кто? — послышался неуверенный голос Михаила Ивановича.

— Карпиков, говорю, полицейский. Отворяй!

— Чего тебе? — уже из-за двери спросил дед.

— С Надей поговорить надо. Отворяй!

После некоторого колебания Михаил Иванович громыхнул задвижкой. Павел, не спеша, с достоинством прошел мимо хозяина и открыл дверь в горницу.

— Зажги свет, Надя, — сказал он в тишину и полумрак.

— Счас зажгу, — отозвался Михаил Иванович и, отстранив полицая, вошел в комнату.

— А внучка где? — спросил Павел.

Старик не ответил. Он долго занавешивал окна, искал в темноте спички, и только после этого зажег лампу. Тусклый огонек осветил горницу. Михаил Иванович повернул к нежданному гостю бородатое лицо, выражение которого в полутьме трудно было разобрать, спросил:

— Зачем пожаловали, господин полицейский?

— Говорю же, с Надей хочу поговорить. Только не вижу ее. Спит, что ли?

— Ежели с добром пришел, проходи, садись. Надежда к подруге пошла. Придет, должно быть, скоро.

— Хочу я ее спрятать, дед, — важно начал Карпиков, но Михаил Иванович перебил:

— Спрятать? От кого спрятать и от чего?

— От Германии, дед, от Германии. Нет никакой возможности освободить ее от поездки туда. Немец никаких поблажек не делает. Значит, чтобы избежать отправки, есть один выход: притайтесь и переждать. Вот я и намерен предложить Надежде такой выход. Со мной она будет, как за каменной стеной.

Старик испуганно глянул на него и приподнял правую руку, намереваясь перекреститься, но передумал и запустил пятерню в бороду.

— Выходит, ты хочешь забрать ее из дома?
— спросил он наконец.

— Да, она поживет пока в нашем доме. А дом полицейского, как известно, шмону не подлежит, — Карпиков наклонился к самому лицу старика и сказал доверительно: — Поверьте, у нас она будет жить в безопасности и полной сохранности. Если честно вам сказать, я хочу жениться на ней.

Слова полицая задели Михаила Ивановича за живое. Но он заговорил спокойно, стараясь не выказать нарастающего гнева и умышленно растягивая слова:

— Так вот, какое дело. Большую часть нам оказать желаете. А Надежда согласная, аль нет?

— Я и пришел поговорить с ней.

— А ежели она не согласится?

— Повесточка у меня в кармане. Вручу — и ту-ту...

— Предатель ты и есть предатель, — теряя терпение, сказал Михаил Иванович. — Ни стыда у тебя, ни чести.

Все последующее произошло в доли секунды. Дед схватил стоящую возле буфета палку и со всей силы, на какую был способен, обрушил ее на Карпикова.

Полицай, от неожиданности ничего не по-

нявший, машинально прихватив карабин, метнулся к двери. Палка еще раз опустилась на его худую спину.

Хлопнула входная дверь, и по двору пропали Карпиковые хромачи.

Бледный, окаменелый стоял, прижавшись к косяку, Михаил Иванович. Силился оторваться от двери, чтобы пройти к топчану, но не мог и рукой пошевелить. Пытался сказать что-то, но свело челюсти.

Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя. Мелкими осторожными шажками добрался до своего ложа, присел.

— Нам такая сволочь не нужна, — пробормотал он. — Придут наши — всем миром судить будем!

Он осторожно лег на левый бок, подобрал к животу ногу, обнял палку и затих.

9

Минула ночь, а Михаила Ивановича не было, не пришел. Надежда не находила себе места.

“Неужели его допрашивают? — с ужасом думала она и тут же отрицала: — Нет, конечно. Может, Павел и не ищет меня, не до этого

ему. Почему я должна думать о нем только плохое? Может, дедушка вот-вот придет...”.

Думая так, она понимала, что обманывает себя. Карпиков непременно захочет увидеть ее. Но узнав, что уже сутки ее нет дома, поинтересуется, где она скрывается. Ходатайствовать за нее он, конечно, не собирался. А если и решился на это, то та же его знакомая на бирже вежливо ему отказалась.

“Дедушке грозит опасность”, – подытожила она свои думы и стала упрашивать Василия отпустить ее домой, выяснить, что там происходит.

– Надо сходить, Вася. Может, приболел он. Сердце чует: в опасности дедушка. Я схожу и приведу его. Потом мы вместе уйдем...

Она замолчала, ожидая ответа. Василий прятал от нее глаза, отмалчивался.

“Не пущу, – решил он. – Ничего хорошего ее там не ждет”.

Вслух же сказал:

– Хочешь, я Антонину Матвеевну попрошу сходить? Ей сподручней будет.

– А вдруг там полицаи или немцы? – отрапортировала Надежда. – О тете Тоне, не живущей там, всякое могут подумать.

Василий кивнул, соглашаясь, и они надол-

го замолчали. Надежда влюбленно смотрела на него, и чувство огромной радости наполняло ее от сознания, что была с ним рядом. И даже находясь на каком-то расстоянии от него, она как бы снова ощутила ласку его рук, обнимавших ее, нежность его поцелуев и чувствовала себя самой счастливой на свете. Она ни о чем не сожалела и ни в чем не упрекала себя. Вместо сожалений и упреков, сердце наполняло счастье. Счастье любить и быть любимой.

Их затянувшееся молчание прервала вошедшая Антонина Матвеевна. Хозяйка не спеша сняла теплый платок, грустно посмотрела на молодых и сказала:

— Опять в карьере стреляют. Подружка мне сказала, что недели две тому Степана Гризодуба расстреляли. Вашего комсомольского вожака, Надя...

— Батюшки! — вскрикнула Надежда. — Знала я его, тетя Тоня. Комсомольский билет мой он смотрел, когда на завод пришла.

— Полицаи да румыны по домам рыскают. Обыскивают, продукты да вещички присваивают. Кто сопротивляется, того уводят — и концы в воду.

— И к нам придут, — сказал Василий.

Антонина Матвеевна вздохнула, присела на скамейку и объявила:

— Бабы наши васильевские в село собираются идти. Вещички на продукты поменять. В Малчевку идут. Там у одной из них родственники живут. Деревня эта на пути к фронту стоит. Вам бы к ним пристать...

— Дело предлагаете, Антонина Матвеевна, — оживился Василий. — С женщинами и уйдем.

Он прошелся до порога, постоял с минуту спиной к женщинам, затем резко повернулся и сказал тоном, каким говорит человек, принявший важное, ответственное решение:

— Иди, Надя, и приведи Михаила Ивановича.

Обрадованная Надежда, не мешкая, стала собираться.

— По огороду за железку иди, — посоветовала Антонина Матвеевна. — Карьер стороной обойди. Заметить могут, или шальную пулю схлопочешь. Тем же путем и возвращайся.

— Не беспокойтесь, тетя Тоня, проскользну, — суетилась Надежда. Я быстренько обернусь.

Не стесняясь хозяйки, она припала к Василию. Сердце сильно сжалось, глаза затумани-

ли слезы. Растворить бы его в себе и унести с собой. Она бесконечно стояла бы так, если бы Василий легким движением не отстранил ее и не проводил до двери.

Она уходила, еще не зная, что потом долго-долго будет помнить эту минуту.

10

Они готовы были выйти из хаты, когда услышали во дворе голоса.

Надежда вбежала в свою комнату, глянула в окно и ахнула. У крыльца стояли три румынских солдата и незнакомый полицай, видимо, сопровождавший их. Он-то и ударил носком сапога в дверь.

Первым желанием было броситься к окну в горнице и убежать, но когда вошла в комнату и взглянула на опешившего деда, отбросила эту мысль.

В дверь застучали громче и требовательней.

— Откройте, дедушка, — попросила она и безнадежно махнула рукой. — Все равно дверь выломают.

Михаил Иванович вздохнул и, не сняв с плеча котомки с вещами и продуктами, пошел

открывать.

“Арестуют, — холodeя, думала Надежда. — Увезут в Неметчину. А как же Вася? Неужели я его больше не увижу? Неужели!..”.

У нее закружилась голова, и она едва удержалась на ногах.

— Что же ты, старый сучок, на власть бросаешься? — услышала она грубый голос.

Через минуту увидела четырех мужиков в черном, полукружьем оцепивших Михаила Ивановича. Расставив ноги, выпятив грудь, стояли они, как омерзительные пауки. Она смотрела в их красные лица и жалела себя и деда. Как же так получилось, что они не успели уйти? Не ус-пе-ли! Теперь эти “пауки”, пришедшие, надо полагать, по указке Павла Карпикова, стояли перед ней, как роковая судьба.

Полицай отделился от румын и подошел к ней.

— Здравствуй, барышня, будущая фройляйн, — ослабился он.

Надежда даже не взглянула на него. Она жалостливо смотрела на Михаила Ивановича, и ей захотелось обнять старика, успокоить. Поймав взгляд внучки, дед начал судорожно шарить руками по одежде, будто искал

что-то. Она не выдержала и бросилась к нему.

— Дедушка! Де-душ-ка! — зарыдала она.

Старик моргал влажными ресницами, беззвучно шевелил посиневшими губами, не в силах что-нибудь сказать. Надежда горько плакала. Комната виделась ей будто сквозь туман и казалась чужой. Она протерла рукой глаза, однако все равно почти ничего не видела. “Пауки” молча наблюдали за ней и дедом, решив, видимо, не вмешиваться. С домом прощались хозяева.

Вскоре все прошло, глаза стали видеть. Горница приняла свои обычные очертания и стала такой же, какой была всегда. Стиснув зубы, Надежда взяла старика под руку, и пошли они из хаты, надеясь, что ненадолго.

Стукнула за ними калитка, отзавившись в сердцах тревогой и болью. Родной хаты они не видели, заслонили ее собой сопровождавшие их черные “пауки”.

— Обойдется, внучка, — тихий с хрипотцой голос деда действовал успокаивающе. — Мы ничего крамольного не сделали. Ежели я прогнал сукиного сына из своей же хаты, то я же за это и в ответе. А тебя должны отпустить. Зачем им тебя-то держать?

Надежда попыталась улыбнуться, чтобы

подбодрить старика, но улыбки не получилось. Она оглянулась. Хата показалась ей маленькой, убогой и осиротевшей. Забор вокруг двора давно обветшал. За ним — о, боже! — маячила долговязая фигура Павла Карпикова.

“Предатель!” — едва не крикнула Надежда, но полицай пригнулся и скрылся за шаткой оградой.

11

Над станцией Алчевской хозяйничал холодный рассветный ветер. Он срывал с деревьев листву и кружил ее над гомонящей людской толпой. Серое низкое небо с каждой минутой все больше светлело.

Неподалеку от привокзальной площади, за стеной дома с обвалившейся крышей притаился Василий. Он не был уверен, что увидит Надежду, понимал, что напрасно стоит здесь, подвергая себя опасности.

За зданием вокзала, на первом пути, стояли теплушки. По перрону сновали немцы. В людской толпе мелькали повязки полицаев. А он все стоял и не мог заставить себя уйти.

Когда ни в тот день, ни на следующий Надежда и дед не пришли, он понял, что случи-

лась беда. Он не находил места, обвиняя в случившемся только себя. Порывался пойти к ним, но отговаривала и не пускала Антонина Матвеевна. Когда от нее же узнал, что десятого октября должны отправить эшелон горожан в Германию, он, несмотря на энергичные протесты доброй своей хозяйки, пошел перед рассветом на станцию. И стоял теперь здесь, у привокзальной площади, выглядывая из-за угла дома с обвалившейся крышей. Метрах в десяти от него прямо на земле сидела старая женщина. Ветер трепал ее пепельные волосы, путался в складках широкой темной юбки, но она ни на что, казалось, не обращала внимания. Василий подумал, что она никогда больше не встанет, но женщина подняла вдруг голову и стала издавать прерывистые короткие вопли:

— Будьте прокляты, звери! Будьте прокляты матери, родившие вас! Будь проклята земля, вскормившая вас своим хлебом! Будьте прокляты! — Она тяжело встала и простерла руки к людям, гомонящим и суетящимся перед зданием вокзала: — Люди, куда мне идти? Как я теперь умру? Кто закроет мои глаза? Кто?

Никто не слышал ее. Женщины в толпе причитали в голос, мужчины стояли насупив-

шись, изредка поднося руки к глазам. Кто ей мог ответить? У каждого из них увозили в Германию кого-то из родных и близких.

Неожиданно плачи и крики толпы стихли. Василий настороженно прислушался. На мосту, перекинутом через железнодорожные пути от центра города к вокзалу, послышался гулкий металлический топот сотен ног. С каждой минутой гул этот нарастал, ширился и зловеще приближался. И вот на ступенях спуска с моста появились гестаповцы с овчарками на поводках. На груди каждого из них поблескивали большие жетоны с изображением орла. За ними спускалась плотная колонна молодых парней и девчат.

Толпа взревела, взмолниконо зашевелилась, пошатнулась, чуть двинулась к мосту, но перед ней тут же встали солдаты с автоматами и овчарками. Полицаи с оружием наперевес пошли на людей, травя холодный воздух отборным матом.

Василий напряг зрение, стараясь в нескончаемой колонне идущих по мосту увидеть милое лицо Надежды. В это время кто-то толкнул его в плечо. В груди похолодело.

“Достоялся”, – мелькнуло в голове.

Вспомнились уговоры Антонины Матвеев-

ны не ходить на станцию. Мысленно упрекнув себя, что не послушался, медленно обернулся и увидел перед собой заросшее щетиной лицо мужика лет пятидесяти пяти.

— Что надо? — неуверенно спросил Василий.

— Я не нарочно, парень. Споткнулся я. Кулья меня подвела.

Василий посмотрел на ноги незнакомца и увидел, вместо левой, деревяшку, похожую на перевернутую вверх дном бутылку.

— Простите, я думал...

— Думал полицай или немец подошел, — улыбнулся мужик. — Не волнуйся, это всего лишь я. Смотрю, прячешься от людей, значит, свой, думаю.

— Что значит свой? — взъерошился было Василий.

— Не кипи, парень, не кипи. Я уже насмотрелся на продажных. Отличу от хорошего человека. А хорошие люди сейчас прячутся.

— А я тут при чем?

— Хорошим людям, говорю, прятаться приходится. Война, растуды ее. Кого из твоих увозят?

— Одну... Хорошую девушку...

— Не смущайся, парень. Я в таком же положении.

жении, что и ты. Племянницу, девчонку совсем, забрали. Я того гада, который на мой дом указал... Пусть сгорит в преисподней! Теперь вот скрываюсь. Думал, вызволю девчушку, но не удалось. И выход один у меня: уходить надо из города. Но далеко ли я уйду один и на одной, можно сказать, ноге?

Он сердито постучал самодельным протезом о стену.

То ли из жалости, что он без ноги, то ли от его слов о расправе с предателем, то ли от его откровенности с ним Василий как-то сразу проникся уважением к этому коренастому широкоплечему мужику.

“Такой не подведет, – подумал он. – Мне тоже надежный попутчик нужен. И если бы еще Надю и Михаила Ивановича найти...”.

Незнакомец улыбнулся и спросил участливо:

– Ну что, не видать?

– Не видать.

– Как же так получилось, что не сберег ее, не спрятал?

– Долго рассказывать... А в общем, есть один подлец. Думаю, он и предал. А полиции служит.

– Понятно, – кивнул незнакомец. – Давай

топать отсюда. Опасно нам здесь торчать. Все равно мы нашим не поможем. Кстати, Кравцов я, Петр Филиппович.

— Рядовой Прохоров, Василий.

Кравцов неуклюже развернулся и, припадая на левую ногу, пошел первым. Василий последовал было за ним, но остановился и еще раз скользнул взглядом по ревущей толпе, по людям, спускающимся с моста. Из людской массы вынырнула высокая фигура полицая и трусцой побежала к полуразрушеному дому, за углом которого он стоял.

— Петр Филиппович, гляди-ка, — позвал Василий и, когда Кравцов подошел, указал на приближающегося полицая: — Это тот предатель, о котором я говорил.

— Понятно. Сейчас мы порасспрашиваем его о твоей девушке.

— Что вы! — испугался Василий.

— Не кипи, солдат. Все будет в ажуре.

Петр Филиппович осторожно выглянул из-за угла, и на него тут же наскочил Карпиков. Кравцов мертвой хваткой обхватил рукой горло опешившего полицая и поволок его в дом. Подоспевший Василий сорвал с Павла карабин.

— Тихо, голубчик, — сказал Петр Филиппо-

вич и усадил Карпикова у стены.

— Где Надя? — прохрипел Василий.

— Не горячись, солдат, — удержал его Кравцов. — Он нам все расскажет.

Павел завертел головой, ища помощи. Но понял свою безвыходность и заскулил:

— Не виноват я. Я просил знакомую, работающую на бирже, чтобы Надю не отправили в Германию. Отказали мне. Не виноват я...

Петр Филиппович, предусмотрительно отстранив Василия от полицая, посмотрел Павлу в глаза.

— Значит, увозят дивчину? — спросил он.

Карпиков утвердительно закивал, тряся дрожащим узким подбородком.

— А дед где? — снова подступился Василий.

— Где Михаил Иванович?

— Арестовали, — пробормотал Павел, опуская глаза. — Не виноват я...

— Виноват, сердечный, еще как виноват, — строго сказал Кравцов. — Это ты сдал их немцам. Говори правду, иначе я твое тонкое горлышко сейчас перекрою.

Петр Филиппович угрожающе поднял виновительную пятерню.

— Когда я был у них вечером, — залепетал Павел, — дед едва не убил меня. Я еле ноги унес.

Он мотнул головой в сторону Василия:

— Я его не выдал. Скажи.

— Ты говорил, что только ради Нади не тронул меня. Тебе она нужна была, сволочь. За счет меня ты хотел...

Петр Филиппович сердито оттолкнул наседавшего Василия и вплотную приблизился к полицая:

— Говори.

— После того, как дед начал бить меня палкой по спине, я выскочил из хаты и побежал на станцию. Встретил приятеля Сашку Рыжова и рассказал о произошедшем. Тот наутро и нагрянул к ним с румынами.

Петр Филиппович схватил полицая за грудки:

— Овечка ты невинная, шкура продажная. Такие, как ты, предатель, помогли фашистам эшелон с честными советскими людьми в Германию отправить. Да и не последний, я думаю. А ты, значит, со всех сторон не виноват. Чтобы самому не замараться, дружка натравил.

Кравцов длинно скрежетнул зубами и плюнул Карпикову в лицо. После этого поднялся и оглядел улицу. Убедившись, что все спокойно, сказал Василию:

— Посторожи.

Крепко обнял полицая за шею и поволок в другую комнату.

Василию еще многое хотелось услышать от Павла, поэтому был недоволен поступком Петра Филипповича. Однако понимал, что сейчас не время для личных амбиций. Поэтому тихо ждал в выходе, внимательно осматривая улицу, пока не появился Кравцов.

Он не увидел рядом с ним Карпикова.

— Там у стены я его положил, — ответил на его немой вопрос Петр Филиппович. — Поспешим, солдат, уматывать нам надо быстренько. Только ума не приложу, куда следует падаться. На восток, я думаю...

Василий так и не понял, что произошло с Карпиковым, но выяснить это не было времени.

— Я знаю, — сказал он.

И они двинулись на окраину поселка, прячась за хатами и деревьями. Василий впереди, Петр Филиппович с карабином в руке сзади.

12

— Ты, баба Антонина, не шуми, — важно сказал Иван, поправляя на рукаве сползающую повязку. — Мне тут донесли, что ты кого-то скрываешь. Я хочу знать:

— Кого?

— Бог с тобой, Ваня! — взмахнула руками Антонина Матвеевна. — Я никого и ничего не скрываю.

“Бодрится или впрямь знает про Васю? — думала она. — Хорохорится, конечно, не более. Но что-то от меня ему надо”.

Широким жестом руки она пригласила вильевского полицая войти в хату. Краем глаз следила за ним. Лицо Ивана выражало недоверие. В подтверждение этому, он на всякий случай отступил назад и подбоченился. Оружия при нем не было, и этот факт доказывал, что у полицая были мирные намерения.

— В хату и не зови, — сказал он после некоторого размышления. — Я войду, а меня по кумполу топором или еще чем... Я лучше пойду и доложу Нестеренке.

При упоминании фамилии шефа вильевской полиции Антонина Матвеевна вздрогнула. Петр Нестеренко был жестоким мужиком. Ходил по поселку с неразлучной ременной плеткой и бил ею каждого, неугодного ему, а то и просто отправлял в гестапо. Жил он на Нижней улице, и этому прихлебателю Ивану достаточно было двадцати минут, чтобы привести его сюда. А результат прихода Несте-

ренко Антонина Матвеевна хорошо себе представляла.

Женщина с большим усилием состроила на лице какое-то подобие улыбки и проговорила почти ласковым голосом:

— Что ты, Ваня! К чему мне на старости лет такую обузу на себя брать?

— Утром видели, как кто-то огородом к твоей хате шел.

— Проверь, Ваня.

— Нечего мне проверять. К Нестеренке пойду.

— Ты прямо скажи, что тебе надо, — не выдержала Антонина Матвеевна.

— Слышала, девчат наших да парней в Германию отправляют? — уклонился от прямого ответа Иван. — Некоторые несознательные скрываются.

Антонина Матвеевна поняла, что полицай знал о Надежде, и решил поживиться на этом. На всякий случай, она, пытаясь еще раз разуверить Ивана, пожала плечами, недоуменно поглядела на него и, будто вконец удивленная, сказала:

— Наговариваешь, Ваня. Или моя жизнь мне не дорога, чтобы я прятала кого-то?

— Как знаешь, баба Антонина. Доложить я

обязан, иначе со службы турнут. Требования к нам строгие. Форму должны мы пошить за свой счет. Галифе, например, пиджак. А где материал взять?

— Не знаю, Ваня. Может у кого есть...

— Помнится, Федора твоего на Октябрьскую отрезом на костюм наградили. Ты ведь не сшила из него костюм ему на похороны. В старом похоронила.

Антонина Матвеевна, закипая гневом, искала глазами, чем огреть полицая. Но ничего подходящего для этой цели не нашла, отмахнулась от него и пошла в хату.

— Несчастный ты, Ваня, человек, — не обрачиваясь, проворчала она. — А попросту — бандит с большой дороги.

Иван усмехнулся, прислонился спиной к изгороди и приготовился ждать. Достал из кармана аккуратно сложенный обрывок газеты, оторвал положенный кусочек, сыпанул на него щепотку махорки и ловко скрутил самокрутку. Исподлобья смотрел на дверь хаты, уверенный, что баба Антонина выйдет не с пустыми руками, а с отрезом на костюм.

Хозяйка же, войдя в хату, решительно направилась к сундуку, стоящему в горнице возле буфета.

— Чем тебе, проклятый, отрез отдавать, пусть Василий заберет его. По дороге обменяет на продукты. Детей спасать надо.

С самого дна сундука достала она завернутый в простынку материал, прижала его к груди и слезно проговорила:

— Прости меня, Федя. Надо бы мне пошить костюм-то и в нем проводить тебя в царство небесное. Прости ради бога, родной. Детям отдам, польза им от него будет.

Она достала из того же сундука сшитую заранее сумку, с которой собиралась проводить Василия, аккуратно положила в нее отрез. После этого засуетилась, заметалась по комнате, доставая из разных мест припрятанные вещи для Василия. Сложила все в сумку и метнулась на кухню укладывать продукты.

Когда все было уложено, она поставила сумку у порога, кинула сверху старую телогрейку мужа и подошла к окну.

Иван по-прежнему стоял у калитки, ждал.

— Жди-жди, — усмехнувшись, посоветовала Антонина Матвеевна. — Сейчас я тебе... Про материал забудешь.

Она уже знала, что делать. Поэтому смело вышла из хаты, пересекла двор, зашла в обветшалый сарай, нашла там зарытые в мусо-

ре вилы и пошла с ними на полицая.

Иван с минуту осталбенел смотрел на нее, затем, выронив окурок, выскочил на улицу и побежал по самой ее середине, часто оглядываясь и грозя кулаком. Антонина Матвеевна усмехнулась ему вслед и вернулась в хату, по пути забросив вилы на плоскую крышу сарая.

Сборы ее были недолгими. Одела мужнину телогрейку, закинула за плечо сумку и, закрыв хату на замок, пошла огородом в ту сторону, откуда должны были придти Надежда и Василий.

Волнение от встречи с полицаем не проходило. На душе было тревожно. Ей, конечно, не простят выходки с вилами.

“Арестуют и в лагерь отправят, – думала она. – Выходит, что до темноты возвращаться домой не следует. А что будет завтра?”

Задав себе этот вопрос, она задумалась.

– Антонина Матвеевна, – услышала вдруг и оторопела.

Ноги сделались ватными, а в груди похолодело. Она медленно повернула голову и увидела выходящего из посадки Василия. За ним, припадая на левую ногу, шел незнакомый мужчина.

– Ах, Вася! – воскликнула она и без сил

опустилась на землю.

Василий присел перед ней, обнял за плечи:

– Что случилось?

– Тебя и Надю встречать вышла. Нельзя вам ко мне идти. Кто-то видел, как Надя к нам пришла. Полицейский приперся, привязался, как банный лист... Я его вилами шуганула.

– Дела-а-а! – растерялся Василий.

– За такие поступки они нашего брата не прощают, – вмешался в разговор Кравцов. – Ты, мать, так поступи: дождись темноты, войди в хату, собери, что тебе дорого и сколько можешь унести, и уходи куда-нибудь.

– Что вы, Петр Филиппович, – возразил Василий. – Куда ей... из родного дома...

– Правильно говорит человек, Вася, – как-то очень спокойно и рассудительно сказала Антонина Матвеевна. – Наверное, я так и поступлю. Соберу вещички и пойду в Михайловку к сестричке. Здесь недалеко Михайловка-то. – Она вдруг спохватилась:

– А Надя где?

Василий отвернулся, не в силах ответить.

– Увезли ее, мать, – сказал за него Кравцов и показал рукой на запад. – Туда.

Антонина Матвеевна ткнулась лицом в

ладони и всхлипнула. Наступило тягостное молчание. Тяжело было на душе у каждого. Лютая ненависть горела в сердцах. Ненависть к вероломству, стяжательству, насилию, ко всему чуждому, что принес им фашизм.

— Ну что же, хорошие мои, — нарушил молчание Петр Филиппович. — Пора и честь знать. Пойдем мы, мать, до наших. Иного пути у нас нет. Я правильно думаю, солдат?

Василий подошел к женщине и обнял:

— Спасибо, Антонина Матвеевна, за все, что вы для меня и Нади сделали. Через все пройду, но вернусь и снова увижу вас. И Надю... Спасибо. Я никогда не забуду Ворошиловск — место нашей встречи. И вернусь, чтобы снова встретиться.

— Хорошо сказано, — вскинул сжатый кулак Кравцов. — Он вернется, мать, вот увидите.

— Благополучия вам и скорого возвращения, — сказала Антонина Матвеевна и протянула Василию сумку. — Это вам в дорогу. Там отрез на костюм лежит. В случае чего, на продукты променяете. А за меня не беспокойтесь. Я сейчас к подружке на Жиловку пойду и пережду у нее.

И снова наступило молчание. К вечеру

клонился октябрьский день. Ветер будоражил ветви деревьев, гнал по земле опавшую листву. А им всем казалось, что гонит в неизвестное этот ветер их судьбы.

Антонина Матвеевна жалостливо посмотрела на Василия и произнесла, как заклинание:

— Ты уж постараися, Вася, вызволи из неволи Надежду-то.

Василий молча кивнул.

— Он постараится, мать, — ответил за него Кравцов. И они пошли в противоположные друг от друга стороны, не оборачиваясь, стиснув зубы.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

В жаркий августовский полдень сорок пятого года Надежда приехала в Ворошиловск.

Стоя на перроне, она с удивлением и восторгом смотрела туда, где за железнодорожными путями дымили трубы мартеновских печей.

— Надо же, — радовалась Надежда. — За два года выстроили!

А под ногами — до боли знакомый перрон станции Алчевской. На этом перроне тогда, десятого октября сорок второго года, выстроили их, молодых девчат и парней, пересчитали, нацепили на рукава какие-то особые значки и загнали в крытые товарные вагоны.

Людей у вокзала, помнится, было много. Каждый провожал в далекую неметчину насилию увозимых дочерей, сыновей, сестер и братьев. Все плакали, многие стонали и причитали. Жуткая была картина. Ее никто не провожал. Дед, Михаил Иванович, был неизвестно где, Василий прятался у тети Тони. Других родных или близких у нее в Вороши-

ловске не было. Она испытывала душевную пустоту и безысходность, от которой хотелось выть и биться головой о деревянные стены вагона.

Сознание безысходности сопровождало ее и там, в Германии, где она провела два с половиной тяжелых года. И только однажды в конце войны ее покинуло это чувство. Она помнила, что произошло это после того, как встретила возле барака, в котором тогда жила, первого советского солдата-освободителя. В тот день она впервые за два с лишним года посмотрела в весеннее небо радостными глазами. С той минуты она больше не ощущала ни душевной пустоты, ни безысходности. Она начинала жить, как бы заново...

Надежда энергично вскинула голову, будто вытряхнула из нее воспоминания.

“Может быть, дедушка жив и живет себе в своей хатенке?”

С этой обнадеживающей мыслью она покинула перрон.

Перед зданием вокзала на скамейках и прямо на земле сидели люди, ожидавшие, видимо, своего поезда. Многие лущили семечки, далеко и смачно сплевывая шелуху. Куры гонялись за шелухой и, обнаружив, что она пуста, разо-

чарованно кудахтали. И только пестрый петух, по виду похожий на попугая, иронически косил красный глаз на людей и не двигался с места. В хвосте у петуха недоставало нескольких перьев, но вид у него был воинственный.

Надежда улыбнулась петуху и пошла по пыльной привокзальной улице на край станционного поселка, к дедовой хате.

Она приехала к родителям в Саратов месяц тому назад. Их старый четырехэтажный дом по-прежнему стоял на своем месте по улице Чернышевского. Надежде он показался уютным и мирным. Она поднялась на третий этаж и с волнением постучала в обитую дерматином дверь.

Открыл отец. Боже, он ничуть не изменился! Лицо было таким же моложавым, без морщин. Глядел он так же строго и вызывающе, будто давал понять стоящему перед ним человеку, что он гораздо выше его в своем обычном человеческом развитии. Надежде стало не по себе от отцовского взгляда, но она была рада встрече, первой шагнула к нему и обняла:

— Папа!

Олег Сафонович легонько и, как показалось Надежде, холодно похлопал ее по спине,

освободился от объятий и произнес хмуро:

— С прибытием.

Он отступил, пропуская дочь, и закрыл дверь.

Из комнаты вышла Елизавета Михайловна, невысокая, миниатюрная и постаревшая. Она всплеснула руками, чуть подалась назад, замерла на секунду, затем, не помня себя, бросилась к дочери:

— Доченька!

— Мама!

Она стала целовать Надежду в лоб, глаза, нос, щеки, губы, орошая все это солоноватыми слезами. Потом отступила на шаг, развела руки, прошептала:

— Батюшки, живая!

И снова бросилась целовать ее, прижимая к своей теплой материнской груди.

Олег Сафонович стоял за спиной дочери, заложив руки за спину и сосредоточенно рассматривал пол в прихожей.

Елизавета Михайловна засуетилась, отставила Надеждин чемодан в сторону и повела дочь в зал.

— Сначала помоемся, переоденемся, — лепетала она. — Потом пообедаем, и ты отдохнешь с дороги.

Оставив отца и дочь одних, она вышла.

— Папа, ты как будто не рад моему приезду? — прямо спросила Надежда.

Олег Сафонович откашлялся.

— Конечно, рад, — сказал он. — Но кто просил тебя оставаться в Ворошиловске? Чего ты добилась своим поступком? Деда присмотрела? Где он теперь, твой дед? Добилась только угона в Германию и больше ничего. А ведь этого могло и не случиться, живи ты с нами в Саратове.

Отец говорил уже в повышенном тоне, и Надежде он был неприятен. Пытаясь перевести разговор на другое, она спросила:

— Ты где воевал, папа?

Олег Сафонович недовольно глянул на нее и отвернулся.

— Не воевал он, доченька, — ответила вместо него вошедшая мать. — Броня у него была. Работал он здесь на объекте...

Елизавета Михайловна посмотрела на мужа и осеклась. Олег Сафонович смотрел на нее прищуренными холодными глазами. Она всегда боялась этого взгляда. Знала, что он не предвещал ничего хорошего. Смушенная, она подошла к дочери, взяла ее за руку:

— Пойдем, доченька, мыться.

Все было по-прежнему, как до войны. Самовлюбленный безжалостный отец и кроткая боязливая мать. Ей вдруг захотелось покинуть квартиру родителей и уехать в Ворошиловск. Она наверняка знала, что там и работа для нее найдется, и приют. Может быть, Василий ждет ее там. Но было жалко мать. К тому же, было бы бестактно, неблагородно, что ли, с ее стороны: только приехать и тут же покинуть семью. И она осталась.

Но желание уехать росло с каждым днем. Отец своим постоянным ворчанием, упреками в том, что осталась тогда в Ворошиловске, все сильней и сильней разжигал в ней это желание, торопил, приближал уход.

И однажды августовским утром она ушла.

2

Из Ворошиловграда Василию удалось выехать только во второй половине дня. Старый дребезжащий автобус, натружено гудя мотором, медленно “пилил” по разбитой шоссе, ведущей в Ворошиловск. Василий волновался. Если приедет в темноте, он не найдет хату Антонины Матвеевны, не говоря уж об избушке деда Михаила, которую он с

трудом нашел бы даже днем.

Последнее время его преследовали неприятности. На войне, можно сказать, везло, всего четыре раза был ранен, а в мирной жизни что-то не ладилось.

Совсем недавно приехал он из поверженного Берлина в свой родной Сталинград и увидел печальную картину. Большая часть территории города была разрушена. Только вдоль Волги были построены новые дома. Они выстроились вдоль берега Волги и создавали широкую улицу. Но и между ними, новыми и светлыми, чернели полуразрушенные здания.

В том месте, где стоял его дом, громоздилась куча кирпича и полуобгоревших балок. Он пристально вглядывался в этот курган, последний памятник его довоенного благополучия, и не хотел верить, что этого уже нет. Он стянул с головы пилотку, зачем-то протер алую звездочку, прикрепленную к ней, сощурился, сдерживая непрошшеную слезу, поднял обломок кирпича. Кирпич был покрыт черной копотью.

“Может быть, это не наш дом? – неожиданно подумалось ему. – Где же магазин, что был рядом, где аптека? Тут все развалины какие-то”.

Он расстегнул две верхние пуговицы гим-

насторки и, вдруг вспомнив, пошарил в нагрудном кармане:

“Вот он ключ-то от квартиры. Мама сунула в карман перед отправкой в армию”.

Он задумчиво посмотрел на ключ, повертел его между пальцами, насвистывая потихоньку какой-то мотив. Потом вдруг размахнулся и зашвырнул ключ неведомо куда.

“Теперь бесполезный он, ключ-то”, – оправдал он свой поступок и поплелся прочь от развалин. Шел медленно, низко опустив голову, в которой переворачивались невеселье думы.

“Где же родители? Ведь прошло больше двух лет, как немцев погнали от города. Вон уже как выстроился, дорогой. Почему же не вернулись папа с мамой? Где они сейчас?”

Ответов не находилось. Он глубоко вздохнул, поднял голову и огляделся.

– Никак Савелий Трофимович! – он даже остановился, не веря своим глазам. – Дядя Сава, честное слово! Такой же, как был!

Действительно, по противоположной стороне дороги шел близкий друг деда Василия – прораб Савелий Трофимович Маликов. И тот же серый плащ на нем, что до войны, та же шляпа фетровая, те же затрапанные брючки,

в которых он всегда работал.

— Савелий Трофимович! — заорал Василий и сам вздрогнул от неожиданности, что так громко закричал.

Маликов остановился, увидел его, и тотчас прорабские широкие брючки замелькали через дорогу. Савелий Трофимович катился прямо к нему.

— Ого! Прибыл, значит, — приблизился он, сунув холодную пышную ладошку в руку Василия, и продолжал скороговоркой, напирая на “о”:

— Событие, значит. Прохоров-младший вернулся. Отвоевал, значит, живой. Ну и слава богу! Если к нам на стройку пойдешь, значит, нашего полку прибудет. Ты, кажется, обещал деду, что строителем станешь? Я ведь все помню! — Савелий Трофимович улыбнулся и тут же посмотрел в глаза Василию грустно и озабоченно: — Без обиняков скажу, Василек. Погибли твои мать и дед, дружок мой сердечный. Сам, можно сказать, видел. Помог я им погрузиться на катерок, и отправились они на левый берег. Все началось хорошо, но тут в небе появились... Стервы проклятые... Переправлялись, кто на чем мог. Много разных плавсредств на реке было... Но больше поло-

вины не приплыло на тот берег...

— Савелий Трофимович стащил с головы свою помятую шляпку, обнажив серую лысину:

— А отец твой на фронт ушел. Только вот нет его до сих пор. Но ты жди, вернется, может быть... Ты мужественный человек, Василий. Войну прошел. Не надо слез и напрасных истязаний... Держи себя в руках, пожалуйста. Поживешь у меня, присмотришься и решишь, что делать дальше. Пойдем.

Маликов суетливо отвернулся от него и пошел через дорогу, потрясая полотнищами своих истертых и забрызганных раствором брюк.

Все то время, которое прожил в вагончике, временном жилище строителей, Василий чувствовал в себе странную непривычную опустошенность. Не хотелось думать, не хотелось ничего решать. Понимал, что нужно побороть себя, воспринять окружающий мир таким, какой он есть, и жить полной жизнью, какой живут все люди. Но всю неделю после сообщения о гибели родных не мог найти в себе силы бороться. И только взорвавшийся в конце недели Савелий Трофимович привел его в чувство, заставил думать.

Маликов ворвался в вагончик в обеденный перерыв, подступился к нему вплотную и тихо, злобно прошипел:

— Ты думаешь, что один такой, кто потерял родных? Ошибаешься, трусливый человек. На моей стройке у каждого кто-то погиб невинно. Но каждый из них мужественно переносит горе и работает за троих. Я не могу смотреть на твою брезвильную фигуру. Ты не достоин быть внуком лучшего друга Василия. Собирайся и уезжай на все четыре стороны.

Прораб развернулся и, громко стуча подошвами ботинок, вышел.

Василий сразу же пришел в себя и решил уехать. Только не на все четыре стороны, как посоветовал Савелий Трофимович, а в Ворошиловск.

Провожая, Маликов по-отечески обнял его и посоветовал:

— Поезжай, сынок, развейся, успокойся душой. Может, девушку свою встретишь. Но знай, что в нашем геройском городе, родном твоем городе, тебя всегда ждут.

...Василий тряхнул головой, избавляясь от воспоминаний. Соседка по сидению понимающе взглянула на него и улыбнулась, будто сказала: отдыхай, молодой человек, отдыхай,

дорога долгая. Василий вздохнул, и голова окончательно просветлела. Он посмотрел в запыленное автобусное окно. Мимо медленно проплывало уже убранное поле. Впереди завиднелись дома населенного пункта. Прямо в глаза ударила белая на деревянном черном щите надпись: “Веселая Тарасовка”. Он невольно улыбнулся и почувствовал, как спало в теле напряжение.

“Надо же такое название придумать!” – усмехнулся он и с удовольствием откинулся на спинку сидения, закрыв глаза. Задремал.

Очнулся, когда его сильно тряхнуло. Автобус не спеша вкатывался в сельскую улицу.

– Что за село, мать? – спросил он старень-
кую свою соседку.

– Михайловка, сынок, Михайловка.

Он вспомнил, что в это село намеревалась идти Антонина Матвеевна. “Может быть, она здесь? – подумалось ему, но он тут же отбросил сомнительную мысль. – Едва ли. У нее же на Васильевке свой дом”.

Он стал всматриваться в медленно проплывающие мимо хаты, испытывая слабую надежду увидеть свою бывшую хозяйку. Проплывали калитки, заборы, окна, лица людей, идущих по своим делам, но круглого дорогое лица

Антонины Матвеевны он не видел.

“В Ворошиловске сразу к ней пойду”, – решил он и, откинувшись на спинку сидения, закрыл глаза. И снова, как видения сна, поплыли воспоминания.

Они брели тогда на восток, держась безлюдных мест, посадок и мелкокустья. Было прохладно, подмораживало. Коченели руки, не спасали даже карманы. Они устали, но делали вид, что есть еще силы. Но как-то сами собой потухли разговоры, помрачнели лица да гуще становились струйки пара из воспаленных губ. Иногда культишка Петра Филипповича застrevала в сухих ветвях, и им приходилось останавливаться, чему явно был рад виновник остановки. Да и Василий тоже. Завернутый в мешковину, которую они нашли на какой-то свалке, карабин несли по очереди, готовые в любую минуту избавиться от него или, при случае, применить.

Кустарник кончился, идти стало легче. Однако через каждые полкилометра Кравцов останавливался и переводил дыхание.

Вдали неширокой полоской чернел лес. Слева виднелась железнодорожная насыпь. Там, вытянув длинный шлейф клокастого дыма, шел на восток эшелон.

Маячить на открытом месте было нельзя, и они поспешили скрыться в неглубоком овражке, где немного отдохнули.

К вечеру набрели на пожилого мужика. Он сидел на бугорке в брезентовом плаще и смотрел в сторону видневшейся вдалеке магистральной дороги, по которой почти непрерывной длинной лентой тянулись иноземные войска. Рядом с ним паслись две козы. Слева за деревьями виднелись крыши хат небольшой деревеньки. Завидев их, мужик поманил путников к себе беспалой рукой (память о гражданской), и когда те подошли, спросил:

— К фронту идете?

Василий кивнул. Петр Филиппович никак не отреагировал на вопрос.

Мужик продолжал:

— Вот какой день гляжу — большая сила прет. Однако попомните мое слово: фашист потеряет больше, чем возьмет. Попомните! А вам, уважаемые, не следует идти дальше. Уж очень много там впереди немчуры. Враз попадетесь. Переждать вам надо. Вот в нашей деревне можете остановиться.

И Василий, и Кравцов долго молчали. Затем Петр Филиппович сказал:

— Мне, думаю, не дойти. Деревня, вижу,

небольшая, в такой немец не остановится на-
долго. Что ты думаешь по этому поводу, сол-
дат?

— Нога у меня не на шутку разболелась,
Петр Филиппович.

— Значит, переждем. Успокоимся, осмот-
римся. К тому времени и Красная армия при-
дет.

Мужик удовлетворенно кивнул:

— Правильное решение приняли, — он оце-
нивающе окинул взглядом Кравцова. — Тебя
я к Марии определю. Немец тебя не тронет. А
ты, сынок, со мной будешь жить. В случае
чего, так скажу, что надежней некуда.

Звали мужика Никанором Ивановичем.
Василий до конца своих дней будет помнить
этого добрейшего человека с умными гла-
зами.

Они остались в той деревеньке пережить
тяжелые дни оккупации. И переждали. Васи-
лий с волнением вспоминал ту ночь, когда на
единственной улице деревеньки остановилась
колонна машин и он услышал не немецкую, а
родную русскую речь.

Оставив Никанора Ивановича у окна, он
выбежал во двор.

“Свои! Наконец-то!”

К нему подошли трое с оружием. Лиц в темноте было не разобрать. Запомнился только высокий рост одного из них, его могучие плечи, обтянутые шинелью большого размера.

— Кто такой? — спросил хриплый голос.

— Рядовой Прохоров, — дрогнувшим голосом ответил Василий.

— Перезимовать, значит, решил?

— Из Ворошиловска шел... Раненый был...

— И не поймали? Не верится что-то.

— Ладно, Семен, не пыхти, — сказал великан. — Доложим командиру, разберутся.

— Пошли, — прохрипел Семен и продолжил уже сзади Василия: — Много здесь вашего брата дезертира.

Заперли его в будке на колесах. Он на ощупь нашел приспособленную для сидения гладкую доску у передней стенки и сел. Расслабился телом и подумал с радостью:

“У своих! Теперь бы мне оружие получить — и в бой”.

Откинулся спиной к борту и закрыл глаза.

“Придется рассказать о Ворошиловске, — подумалось. — Вернее, о том, как все произошло”.

Придется рассказать о добром и немного забавном старике Михаиле Ивановиче, о первых неуверенных шагах после выздоровле-

ния, о встрече с полицаем Карпиковым. И, конечно, о Наде. Она часто виделась ему: тихая, застенчивая и красивая. Самая светлая, самая большая его любовь.

“Глупость совершил я тогда, отпустив ее домой, – ругал он себя. – Никогда не прощу себе этого. Даже если встретимся”.

“Встретимся, встретимся”, – стучало в висках.

И он думал о встрече.

Вернул его к действительности скрип открываемой двери.

– Выходи, – сказал все тот же охрипший Семен и повел его к хате Никанора Ивановича.

Войдя в комнату, Василий остановился у порога. Первое, на что обратил он внимание, были сипевшие справа на скамье старый Никанор и Петр Филиппович.

“Неужели их арестовали?” – ужаснулся Василий.

За столом, стоящим у передней стены между окнами, сидел пожилой майор с продолговатым морщинистым лицом, половину которого занимал размашистый в ноздрях нос и массивные очки в роговой оправе, а вторую – квадратный подбородок. Он внимательно и

долго рассматривал Василия, затем, наконец, произнес:

— Рядовой Прохоров?

— Так точно!

— Подойдите ближе. Документ какой-нибудь у вас есть?

Василий склонился, непослушными пальцами отвязал от ноги небольшой сверток, подошел к столу, положил его перед майором и замер.

— Красноармейская книжка, — произнес офицер и снял очки. Василию показалось, что в его выцветших глазах блеснули живые огоньки. — Ранен?

— Был, но местные жители выходили.

— Значит, готовы в бой?

— Так точно, готов!

— Все вы готовы, — улыбнулся майор. — И все врете.

— Не вру...

— Ладно, — смягчился майор. — Товарищи вот за тебя ручаются. Василий благодарно взглянул на одобрительно улыбающихся мужиков.

— Идите, Прохоров, — разрешил майор. — Найдите лейтенанта Локтева. В его роте и будете воевать, пока мы не свяжемся с вашей

частью и прочее...

— Спасибо за доверие, товарищ майор, — прервавшимся голосом сказал Василий и вышел.

3

На месте дедовой хаты строился новый дом.

Справа под деревом сидели бородатые мужики. Серые полотняные рубахи их были расстегнуты, на лицах сиял блаженный отдых. Чадили вершковыми цигарками. Дым кучерявился над головами, нехотя поднимался на верх и растекался по листве дерева. С появлением Надежды мужики дружно, будто по команде, повернули головы в ее сторону и с любопытством стали смотреть на нее. А она стояла застывшая, не замечая мужиков, ничего не понимая, глядела широко открытыми недоумевающими глазами на недостроенный дом.

Из него вышел худой вяловатый блондин лет сорока пяти, одетый в белую косоворотку и белые же брюки. Черные запыленные ботинки резко выделялись на фоне светлой одежды. Под мышкой блондин держал видавшую виды

дерматиновую папку.

— Что вы хотели, гражданка? — спросил он.

— Здесь стояла хата... — неуверенно начала Надежда.

— Да-да, стояла. Но в каком виде? Крыша свалилась вовнутрь, все четыре стены до половины тоже развалились. Да еще старый прогнивший тополь рухнул на хату. Вон за домом его пень торчит. Выкорчевывать надо. — Блондин помолчал, внимательно разглядывая Надежду, затем отвел хмурые глаза в сторону и продолжал: — По поселку и по Жиловке много таких хат развалили и сожгли. Немцы, уходя, много чего повзрывали. Многие дома осиротели. Вот как этот. Говорят, старик здесь жил. Люди видели, как его арестовали и увели неведомо куда. В тюрьму, наверное. А оттуда человек не возвращался.

Блондин еще раз пригляделся к Надежде и, видимо, поняв что-то, торопливо заверил:

— Этот участок мне законно выделили, — и обратился к мужикам. — Пора и честь знать, товарищи. Приступайте. Время не терпит. До холодов домишко надо поставить.

Мужики, поплевав на огоньки цигарок, нехотя поднялись.

— Извините, — пробормотала Надежда.

Она отошла к невысокой изгороди перед хатой Назаровых и села на вкопанную там скамейку.

Что-то в душе ее ломалось.

“Дедушки нет, – думала она, утирая слезы. – Хаты тоже нет. Вася, наверное, забыл обо мне. Может, его и в живых-то нет. Пойду сейчас к тете Тоне, узнаю все и поеду назад, в Саратов”.

– Вы кто? – услышала она и обернулась. Из открытого окна соседской хаты на нее смотрели любопытные девичьи глаза.

– Полина! – сквозь слезы воскликнула Надежда.

Девичье лицо скрылось, и через минуту другую открылась калитка, и перед ней предстала невысокая стройная девушка. Вся она была какая-то легкая и улыбчивая, в карих глазах светилась радость.

– Откуда ты взялась, Надя? – спросила она и села рядом. – Вот уж не ожидала!

– Здравствуй, Поля!

И они обнялись.

Уловив настроение Надежды, Полина поняла, что говорить ей сейчас трудно, и заговорила первой:

– Я на заводе работаю. Сегодня выходной

у меня. Вечером на танцы пойду, — она умолкла, сообразив, что про танцы ни к чему сболтнула, потом заговорила серьезно: — Видела, какой завод стал? Разрушен ведь был. Натворили немцы дел. Четыре домны разрушили и семь мартенов. Это шутка ли? И прокатные станы тоже разворотили. Уже два года восстанавливаем. Людей понаехали! С Урала, из Воронежа, Курска... Со всех сторон, словом, работы много, Надя.

— Поля, ты про деда моего ничего не слышала?

— Нет, Надя, не слышала. Мама тоже, я спрашивала. Может, он был среди тех, кого фашисты бросили в яму и сожгли?

— Поля, что ты такое говоришь?

— Представь себе. Перед самым уходом совершили они такую жестокость. Вывели из гестаповской тюрьмы больше восьмидесяти человек, бросили в яму, облили бензином и сожгли.

Надежда охнула. Полина продолжала:

— Да и вообще, пока они были здесь, творили, что хотели. Грабили, издевались. Ни стариков, ни детей не щадили. Неведомо, сколько в каменном карьере людей расстреляли. А бараки возле химзавода обнесли колю-

чей проволокой и держали там наших раненых солдат. Потом их расстреливали возле ящиковской эмтээс, у ставка. Хорошо, что мама увела меня в Кипучую и ничего этого я не видела. С ума можно сойти! Кстати, куда делся ваш раненый боец? Я видела его тогда в окне...

Надежда глубоко вздохнула. Горько-горько было на душе. Вопрос Полины еще добавил этой горечи. Что она могла ей ответить?

— Разошлись наши дорожки, Поля. Однажды ночью дедушка увел его на Васильевку. Потом меня и деда арестовали и привели в комендатуру. Там и разлучили. Дедушку куда-то увезли, меня отправили в Германию. Где Василий, не знаю.

Помолчали. Полина подумала, что подобную тему в разговоре затрагивать не стоит. Она тоже вздохнула, глянула на Надежду строгими глазами:

— Ой, Надя, что я увидела, когда вернулась сюда! Иду по городу, словно по кладбищу. Куда девались многие дома, магазины, скверы? Кинотеатр в конюшню превратили... — Она увидела в глазах Надежды слезы и стала успокаивать ее: — Не переживай, Надя. У нас пока поживешь. Мы с мамой вдвоем...

Надежда уткнулась лицом в ладони.

— Здравствуй, Надюша! Полина, зови соседку в дом.

Услышав голос, Надежда вздрогнула и перестала всхлипывать. Выпрямилась, достала носовой платок, только после того, как утерлась, повернулась.

— Здравствуйте, тетя Маша, — хрипло произнесла она и откашлялась.

— Пойдем, Надя, пойдем, — ласково пригласила Полина, и они пошли в дом.

В комнате с низким потолком и побеленными стенами было душно. Не помогало и открытое окно. Мария Ивановна пригласила Надежду к столу и без всяких предисловий стала рассказывать:

— Полицаи во главе с треклятым Рыжовым пришли к вашей хате под вечер. Обошли ее всю, внутри осмотрели, потом сгрудились у калитки, закурили. Я в это время за углом своей хаты стояла, прислушалась. И услышала такой разговор: “Значит так, — сказал Рыжов. — Пашка за Надькой ухлестывал, а она ему не давалась. И чтобы отвязаться от него, попросила кого-то придушить парня. Согласны с такой версией, господа?” Полицаи дружно закивали: “Стало быть, мы имеем право кон-

фисковать имущество". Заключение Рыжова было тут же выполнено. Унесли, проклятые, из вашей хаты все, что могли унести.

Мария Ивановна помолчала, покачивая головой, затем обратилась к дочери:

— Иди, Полюшка, приготовь что-нибудь. Пообедаем.

Полина вышла. Мария Ивановна некоторое время смотрела грустными неморгающими глазами в распахнутое окно, затем тихо, с плохо скрываемой печалью заговорила:

— Вторая отправка в Германию была назначена на тринадцатое ноября. Я сообразила и увела Полину в Кипучую к родственнице. За несколько дней до отправки пришли сюда эти трое. Постояли посреди улицы, покурили и пошли прямиком к моей хате. Я не препятствовала, понимала, что никакие уговоры или доводы их не остановят. Первым вошел Рыжов. Встал передо мной и ехидненько так спрашивает:

— А доченька твоя где? Ее, по-моему, в Германию приглашают.

— Не знаю, — ответила я. — Убежала куда-то.

— Убежала, говоришь?

Он подступил ко мне вплотную, вынул из-под пальто пистолет и ткнул дуло его мне в грудь.

Все во мне будто отмерло. Не помню, как на пол свалилась. Очнулась от холодной воды, которую прямо из ведра вылили на меня. И снова услышала приторно-ласковый голос Рыжова:

— Так где же твоя дочь, мамочка?

Я не отвечала. Рыжов прошелся передо мной, лежащей на полу, несколько раз и приказал встать.

— Завтра мы снова придем, — сказал. — И ты обязательно вспомнишь, где твоя дочь. Иначе... По законам военного времени...

И они вышли из хаты. А я добралась до кровати и легла. Очухалась только под вечер. Встала, взяла лопату и пошла в огород рыть яму. Работала, как во сне, до сих пор не пойму, откуда силы брались. Закончила рыть уже в темноте. Отдохнула немного и стала перетаскивать в яму все свое добро. Заворачивала, во что придется, и укладывала. Потом засыпала все землей со стоном в груди... В Кипучую ушла под утро.

Мария Ивановна поднялась и подошла к окну. Не повернувшись к Надежде, сказала просветленно:

— Спасла я все-таки Полину.

Сказала и вдруг обернулась. По лицу пробежала улыбка:

— Что же я все о себе да о себе? Ты-то как пережила все?

Вместо ответа, Надежда подошла к ней, дотронулась до ее руки и искренне попросила:

— Тетя Маша, давайте не будем вспоминать тяжелые недобрые дни. Зачем попусту бередить душу? Когда-нибудь мы все-все расскажем о себе. А сейчас нам надо радоваться жизни.

Мария Ивановна благодарно посмотрела на нее и обняла.

Вошла Полина и беззаботно—весело сообщила:

— Кушать подано!

“Да она и горя-то настоящего не знает”, — с удивлением и в то же время с радостью подумала Надежда.

После обеда Мария Ивановна посоветовала ей отдохнуть с дороги. Она согласилась.

“На Васильевку схожу завтра, — решила она. — Зачем, на ночь глядя, идти?”

Надежда проснулась первой. Тихо поднялась, открыла окно и полной грудью вдохну-

ла свежий утренний воздух.

За домами в огородах бродили сумерки. Густые, мохнатые, они лениво заползали в низины, наполняли их до краев и расползались вдоль них. А там, далеко-далеко, может быть, у самого Ворошиловграда, неуверенно вспыхнул горизонт, будто кто-то развел небольшой костер и стал подбрасывать в него сухие сучья. Робко, несмело разгорался костер. Языки розового пламени лизали посветлевшее небо, поднимаясь все выше и выше. Желтые стрелы лучей доставали до ближайших звезд. Звезды хмурились, не желая уходить с неба, потом, обессилев в борьбе, медленно гасли. А костер горел все ярче и ярче. Вот он охватил уже добрую четверть неба, вот опалил его половину и стал шириться с неудержимой быстротой.

Первый неяркий луч солнца скользнул по макушкам деревьев. Они разом засверкали, будто высвеченные изнутри. Недовольные сумерки скрылись за городом и там угомонились.

Вот так кончилась для нее эта ночь в Ворошиловске.

Для нее все прежнее осталось там, в проклятой Германии. Только в память навсегда вре-

зался небольшой немецкий городок Керхмейзер, куда привезли ее и десятка два таких же девчат работать на местном заводе, изготавливавшем радиоаппаратуру. Наверное, не раз она будет видеть во сне провонявший сыростью и плесенью дощатый барак с грубыми жесткими нарами и длинным обеденным столом, стоящим в проходе.

Натерпелась она там за время неволи! Работали по двенадцать часов, жили впроголодь, неделями не могли простирнуть бельишко и помыться сами. А жестокие надзиратели не упускали случая ударить.

— Уже встала? — услышала она голос Марии Ивановны.

— Я рано легла вчера, выспалась.

Хозяйка подошла к ней.

— Полине во вторую смену идти, — сказала она. — Пусть отдохнет после танцев.

Помолчав, она спросила:

— Надеешься, что приедет солдат?

— Надеюсь, тетя Маша, хотя и уверенности нет.

— Надейся, Надя, жди, — искренне пожела-ла Мария Ивановна. — С надеждой жить легче.

После завтрака Надежда стала собираться на Васильевку.

— Молодой человек, вам кого? — услышала она.

Это Мария Ивановна спрашивала у кого-то через окно. Надежда насторожилась. Что-то толкнуло ее к окну. Она кинулась к нему, отстранила хозяйку и замерла.

— Вася, — легким долгим выдохом слетело с ее губ. Некоторое время она еще не верила, что там, за изгородью, стоял ее Василий. Но вот поверила, и над домами, над огородами полетел ее крик:

— Вася-я-я-я!

Он увидел ее в окне, выронил из рук чемодан и рванулся к калитке.

Из спальни выбежала испуганная заспанная Полина. Мать молча увела ее обратно.

Василий вихрем влетел в открытую дверь, поднял улыбающуюся Надежду и закружил с ней по комнате. В эту минуту им не нужны были слова. Им просто надо было быть вместе.

Наконец, первое большое волнение от встречи улеглось. Надежда усадила Василия за стол.

— А я собиралась идти к тете Тоне.

— Я уже был там, Надя.

Лицо Василия стало хмурым, и Надежда заметила это.

— Что-то случилось?

— Приехал я вчера вечером. Подумал, что дедовой хаты в темноте мне не найти. Ведь ночью уводил меня тогда Михаил Иванович, и дороги я, естественно, запомнить не мог. Решил идти на Васильевку. Дорогу туда я знал, потому что в день, когда увозили тебя в Германию, я приходил на станцию. Потому и запомнил путь. Так вот, было уже темно, когда пришел к дому Антонины Матвеевны.

Василий замолчал, нахмурился.

— Ну что, Вася, что? — забеспокоилась Надежда. — Хату сожгли?

— Нет, хату не сожгли, но живут там другие люди. Люди добрые, приветливые. Пригласили в дом, за стол усадили, ночевать оставили. Я рассказал им нашу историю, они поведали мне об Антонине Матвеевне.

— Жива?

— Нет, Надя, умерла тетя Тоня. Сестра ее продала хату. Она же и рассказала, что произошло с Антониной Матвеевной.

Из спальни вышла хозяйка, а за ней — Полина. Василий встал и поклонился.

— Это Мария Ивановна и ее дочь Полина, — представила Надежда.

Поздоровались, расселись.

— Рассказывай, Вася.

— В тот день возвращался со станции в поселок. Со мной был тогда Петр Филиппович. Я тебе расскажу о нем, Надя. Выходя из посадки, мы неожиданно встретили Антонину Матвеевну. Оказалось, что к ней приходил полицейский и пытался выяснить, кого она прячет в своем доме. Она шуганула его вилами. Полицай убежал, а она ушла из дома. Встретила нас и сказала, что к ней идти нельзя. Передала нам продукты на дорогу, и мы расстались. Что же произошло потом? Дождавшись вечера, она вернулась домой, чтобы забрать кое-какие вещи, а затем уйти в Михайловку, к сестре. Но у хаты ее поджидали полицаи. Они зверски избили старую женщину, открыли хату, ограбили ее и ушли. Очнувшись, тетя Тоня поплелась к дороге, ведущей в Михайловку. Подобрал ее, сидевшую на обочине, михайловский мужик. Он привозил из села на подводе про-дналог в ворошиловскую окружную управу. И в то время возвращался обратно. Он хорошо знал Антонину Матвеевну и привез ее прямо к сестре. Сестра ее и добрые люди, как могли, лечили и выхаживали женщину, но уж очень сильно покалечили ее полицаи...

Наступило долгое скорбное молчание. Все

сидели с опущенными головами, не решаясь посмотреть друг на друга.

Первой нарушила гробовую тишину Мария Ивановна.

— Мы-то живы, — решительно сказала она.

— Вы вот встретились. Это ведь жизнь, это — радость! Работать станете, дом построяте, детишками обзаведетесь... Живите!

— Да, тетя Маша, встретились, — поднялась Надежда. — И нет конца моему счастью.

Она подошла к Василию и обняла его. Полина смотрела на них с завистливым девичьим любопытством.

5

Солнце слегка позолотило листву на клене, который рос возле дедовой хаты, опустилось по стволу к земле, зажигая траву. Вразнобой, спеша не отстать друг от друга, ударили петухи. Их голоса уносило легким ветерком за дома, в поле.

У соседнего дома корова ленивой перевалкой выбиралась из узкой дворовой калитки на улицу, потягиваясь, отлежав бока. Хозяйка не торопила ее, ласково гладила ладонью по спине и что-то приговаривала.

Вроде бы обычное утро, но для Василия и Надежды оно было особенным. Они сидели на скамейке перед домом Марии Ивановны и молчали. Многое было переговорено, многое передумано, оставалось решить: уезжать из Ворошиловска или нет.

— Совершенно никого и ничего у нас тут нет, — тихо, будто только для себя, заговорил Василий. — Мой дом, моя родина — Сталинград. Твои родители в Саратове...

— Давай поедем в Саратов.

— Если ты не уживаешься с отцом, что же я тогда буду делать? Не годится. Вот если бы мы приехали в Сталинград, Савелий Трофимович и жилье бы нам устроил, и свадьбу помог бы организовать. Твоих родителей позвали бы. Главное, зажили бы самостоятельной жизнью.

— Бы-бы-бы, — шутливо передразнила Надежда.

— Здесь так, как в Сталинграде не получится.

Надежда положила голову ему на плечо и сказала смиренно:

— Ты глава семьи, Васенька.

Он крепко прижал ее к себе и сказал восторженно:

— Радость ты моя!

Они уезжали тихим августовским вечером.

Сложив на сидении вещи, Василий и Надежда прильнули к окну. На перроне суетились пассажиры. Провожавшие их Мария Ивановна и Полина стояли у стены здания вокзала. Полина махала им рукой и улыбалась. Надежде стало грустно. Снова этот перрон напомнил прошлое. Ей даже померещился топот солдатских сапог и лай овчарок. Она вздрогнула и виновато посмотрела на Василия. Он понял ее и обнял за плечи.

— Даже потому, — сказал он, — что все здесь напоминает тяжелое прошлое, стоит уехать.

Надежда молча кивнула. Поезд тронулся.

На перроне остались одни провожающие. Среди них рядом с медленно двигающимся вагоном шли печальная Мария Ивановна и неунывающая Полина, посылающая им воздушные поцелуи. Уплывало назад одноэтажное здание вокзала, и вместе с ним уплывало и прошлое.

Василий подтянулся, будто встал по команде “смирно,” и как-то по-будничному тихо и просто произнес:

— Прощай, Ворошиловск, — место нашей встречи!

Літературно-художнє видання

Ісаєв Володимир Степанович

Місто зустрічі – Ворошиловськ
повість
(російською мовою)

Комп'ютерний набір

О.М. Сверчкова

Комп'ютерне верстання

Н.Б. Трофимова

Коректор

О.Ф. Іволга

Технічний редактор

Н.М. Мозгова

Підписано до друку 20.03.2001. Формат 60×84¹/₃₂. Папір офс.
Друк офс. Ум. друк. арк. 2. Обл.-вид. арк. 2,20.
Замовлення № 16 Тираж 100 прим.

Видавець та виготовник

Донбаський гірничо-металургійний інститут
94204, Луганська обл., м. Алчевськ, пр. Леніна, 16.
(ВПЦ "Ладо", ауд. 2113, тел. 2-02-59, 91-4-47)

**Видавничо-поліграфічний
центр «Ладо»
ДГМІ**

*Від оригіналу до готової продукції -
один крок*

ВИПУСК:

- навчально-методичної літератури;
- навчальних посібників;
- дисертацій, авторефератів;
- монографій;
- художньої літератури;
- періодичних газетних видань.

ВИГОТОВЛЕННЯ:

- пластикових папок;
- іменних блокнотів;
- бейджів;
- рекламної продукції;
- вітальних адресів;
- бланкової продукції.

А ТАКОЖ:

- тиснення на папір;
- комп'ютерний набір і верстка;
- сканірування;
- ксерокопіювання;
- ламінірування;
- палітурні роботи, порізка;
- брошурівка скобами, пружинами.

**✉ 94204, Луганська обл., м. Алчевськ, пр. Леніна, 16
(ДГМІ ВПЦ «Ладон»)**

☎ (06442) 2-02-59

